

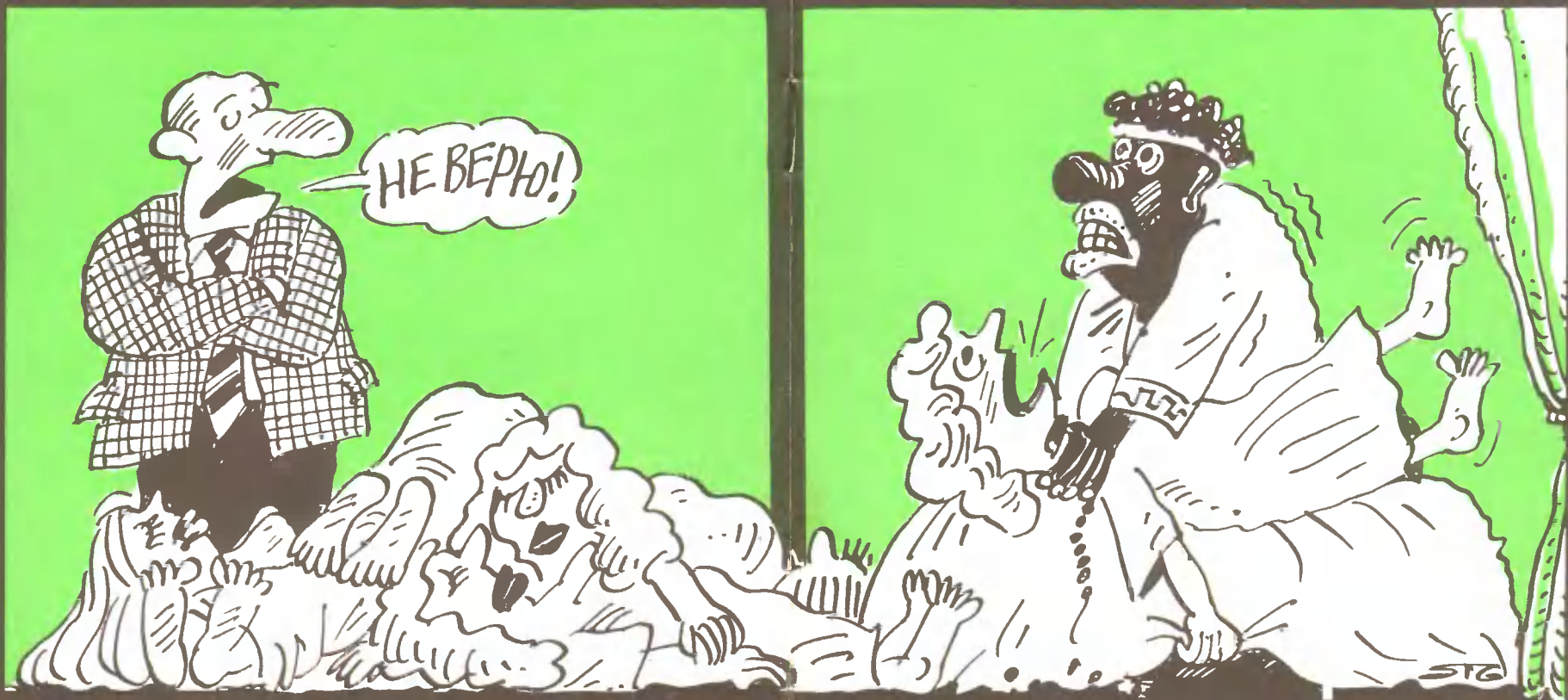

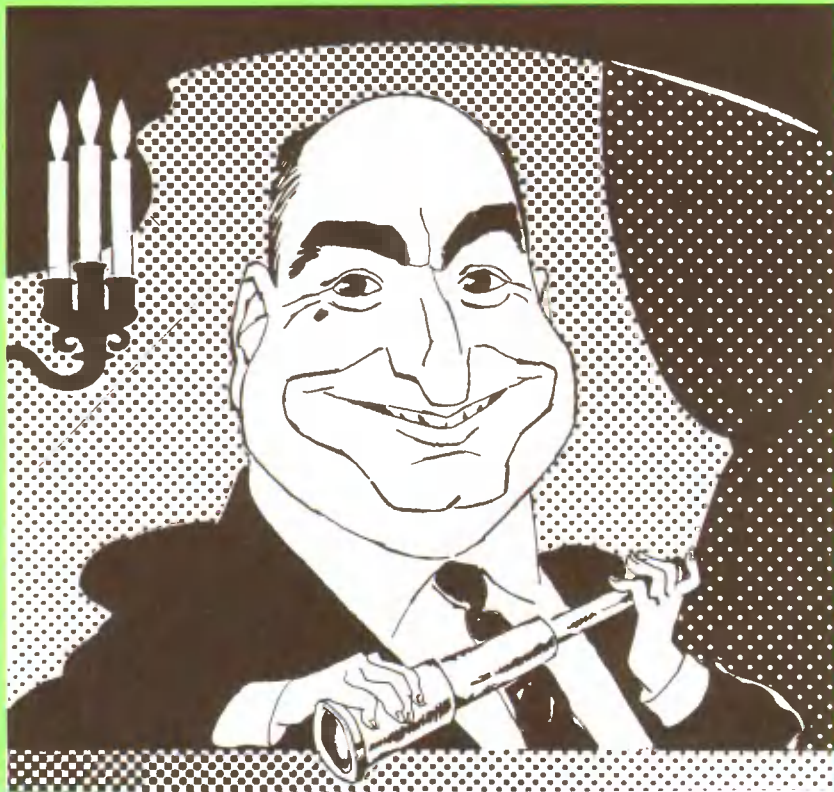
Борис ПОЮРОВСКИЙ

ОКОЛОТЕАТРАЛЬНЫЕ БЫЛИ

№ 12

ISSN 0132-2141 Б-ка Крокодила. 1990. № 12. 1—48.

Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

В течение пятидесяти лет жожу я в театр. Тридцать пять из них занимаюсь театральной критикой. Пишу рецензии, статьи, фельетоны. Разбросанные по страницам газет и журналов, они обречены на короткую жизнь. Вот почему я обрадовался предоставившейся возможности и решил проверить, может ли что-нибудь из написанного мною прежде пригодиться сегодня?

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

№ **12**
(1096)

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

Борис ПОЮРОВСКИЙ

**ОКОЛОТЕАТРАЛЬНЫЕ
БЫЛИ**

Околотеатральные карикатуры
О. ТЕСЛЕРА.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1990

I. СТРАНИЦЫ ИЗ НЕНАПИСАННЫХ МЕМУАРОВ

НЕУДАВШАЯСЯ АНТРЕПРИЗА

Примерно за полгода до окончания института наши товарищи — студенты актерского факультета — предложили нам, будущим театроведам, устроить несколько платных спектаклей, с тем чтобы на вырученные деньги организовать выпускной бал.

В пятидесятые годы подобные начинания отнюдь не поощрялись. Фактически такие действия подпадали под соответствующие статьи Уголовного кодекса. Но мы были молоды, легкомысленны и бедны: стипендия на последнем курсе составляла всего 280 рублей (в старых деньгах!) или 28 рублей (в переводе на новые!). Терять нам было нечего, и мы пустились во все тяжкие — искать партнеров по «бизнесу», предварительно распределив между собой обязанности.

Примерно через месяц нам удалось познакомиться с директором одного из пригородных клубов. Он охотно и на выгодных для нас условиях взялся за дело, пообещав не только предоставить помещение, но и обеспечить зрителей на два представления — дневное и вечернее. Вскоре определилась и точная дата. Работа закипела.

Первым делом мы составили смету расходов и доходов, с тем чтобы за один раз решить все проблемы. Зная, что в зале могло поместиться около 400 человек, мы надеялись получить 8 тысяч рублей.

Правда, 10% мы должны были отдать за аренду и еще столько же — за реализацию билетов.

Кроме того, мы сами изготавливали рекламу, нанимали грузовой транспорт для перевозки декораций, костюмов и реквизита. Сами же

грузили, разгружали и устанавливали на сцене павильон (тогда еще не принято было играть спектакль в сукнах, тем более пьесы М. Горького. У нас в «Мещанах», помимо стен, был еще и потолок: его мы тоже возили с собой).

Учитывая, что путь был не близкий, мы выезжали из города в 7 утра — три девушки-театроведки взяли на себя обязанности поварих. Меню, правда, было простое: два ведра картошки, заправленной жареным луком, салом, полсотни вареных яиц, квашеная капуста, соленые огурцы и, конечно, хлеб, чай и сахар. Все это они должны были не только приготовить, но и доставить на электричке к окончанию дневного представления: в назначенный час мы с радостью встретили своих кормилиц.

Правда, вид у нас, скажем прямо, был не совсем геройский: на первый спектакль пришло всего двадцать человек. Таким образом, вместо 4 тысяч выручка составила лишь... 200 рублей.

Но директор клуба уверял нас, что вечером будет переаншлаг и мы с лихвой наверстаем упущенное. В это верилось с трудом, однако все старались не падать духом. Обед прошел на славу, и тут вдруг выяснилось, что одна из исполнительниц, занятая в третьем акте в эпизодической роли, должна во что бы то ни стало срочно вернуться в город. Учитывая, что она по ходу действия произносит всего одну короткую фразу, мы решили ее отпустить.

Но, на нашу беду, именно в этот момент за кулисами появился режиссер-педагог, который категорически запретил играть спектакль без этой реплики. Зная его крутой характер, актеры заявили, что они ни за что не посмеют послушаться своего наставника.

До начала представления оставалось всего 15 минут. Пора давать звонок, но мы в полной растерянности. И тут черт попутал меня:

— Хорошо, я выйду на сцену и скажу эти шесть слов: «А он у вас украл пирожок».

— И в каком же costume ты собираешься это сделать? — не без схищства спросил педагог.

— А я загримируюсь и переоденусь в костюм исполнительницы, — не дрогнув парировал я.

Она была могучего телосложения: поношенный плюшевый жакет с трудом сходилась у нее на груди. Голова повязана платком, на ногах — стоптанные мужские башмаки.

...Начался спектакль. Клуб ломится. Вместо 400 на этот раз продано свыше 500 билетов. Многие стоят, другие уселись на пол, перед первым рядом. Актеры играют замечательно, педагог доволен.

Я тоже спокоен, иду гримироваться и одеваться: хоть и одна фраза, но не хочется ударить лицом в грязь. Главное, не забыть, что я играю женщину! Мысль эта сверлит мне голову, хотя что тут такого мудреного? Ведь выходил же я в массовках в академических театрах, где тоже надо было кричать «Ур-ра!!!». И ничего, все обходилось миром.

ШЕФСКИЙ КОНЦЕРТ В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ

Существует широко распространенное мнение, будто люди искусства неравнодушны к Бахусу. Особенно актеры. Я не социолог и не врач. Поэтому не имею научных данных, подтверждающих подобное суждение.

Думаю, что среди пьяниц попадаются и артисты. Часто даже очень способные. Но ведь и среди людей других профессий встречаются алкоголики? Так что я не стал бы ничего категорически отрицать или утверждать, а согласился бы с примирительной формулировкой: ничто человеческое артистам не чуждо...

Мой друг-актер пристрастился к спиртному. Сперва выпивки носили случайный характер. Но через два-три года он не мог уже и дня удержаться. И жена, и родители его понимали, к чему все ведет. А он продолжал пребывать в неведении счастливым. О врачах и слушать не хотел:

— Что я — алкоголик? Да вы с ума сошли!

Но однажды он явился на спектакль в пьяном виде и стал нести со сцены чушь.

Поднялся скандал, дирекция готовила приказ об увольнении. Воспользовавшись этой ситуацией, мы немедленно отвезли моего друга в специализированную лечебницу, что, кстати, оказалось вовсе не просто: люди месяцами дожидались там очереди. Но главный врач, пусть земля ему будет пухом, был, как выяснилось, театральным человеком и охотно пошел нам навстречу.

Все это случилось в самом конце апреля, накануне майских праздников. Друг наш, конечно, сразу же приуныл, и мы решили по очереди ежедневно навещать его, чтобы как-то отвлечь от больничной обстановки.

Уже прошли первые майские дни, приближался День Победы, 6-го или 7-го числа приезжаю я проведать больного и замечаю, что он сам не свой.

Оказывается, накануне к нему заезжал администратор, с которым он давно работал на эстраде, и пообещал главному врачу устроить 8 мая (!) шефский концерт.

В такой день и «левый»-то концерт организовать трудно: артисты буквально нарасхват! Но шефский?!

Мой друг мучился, не спал вторую ночь подряд: он был человек удивительно деликатный, совестливый, обязательный.

— Ты представляешь, что будет? Я этому трепачу второй день не могу дозвониться, а здесь уже повесили объявление! Кошмар!

Как могу, стараюсь успокоить больного, но сам начинаю прокручивать в голове различные варианты. Беда, что времени почти не осталось. Ну да ничего: мир не без добрых людей, что-нибудь сообразим!

Правда, там я изображал мужчин. Но ведь это даже интереснее. К тому же из истории театра мы, театроведы, знали, что в шекспировские времена женщин-актрис не было и потому все женские роли исполняли актеры-мужчины. Да и в наш XX век знаменитый Степан Кузнецов блистал в обличье очаровательной тетки Чарлея.

Эти воспоминания, безусловно, вдохновляли меня, вселяли уверенность до той самой минуты, когда я наконец оказался на сцене. Подходит злополучный миг, и я, указывая на партнера-мужчину, говорю: «А она у вас украл пирожок».

Пауза. Начинается нервный смех. Сперва у участников массовки, затем у исполнителей главных ролей. А сцена — драматическая: Татьяна только что пыталась наложить на себя руки... Но дальше играть никто не может: пришлось дать занавес.

После небольшого скандала за кулисами третий акт сыграли заново, но уже без моего участия: мы и так боялись, что, когда подойдет это место, все опять начнут смеяться. Публика так и не поняла, что случилось. Доиграв последний акт, актеры с удовольствием много раз выходили на поклон, а мы — театроведы — уже думали об обратной дороге.

Директор клуба, не дожидаясь финала, тут же выплатил деньги, которые нам причитались. Правда, общая сумма оказалась все же значительно скромнее, чем мы надеялись: утренние убытки покрыть за счет вечернего представления, увы, так и не удалось. Но расходы свои мы оправдали, и сверх того осталось еще около 300 рублей.

Мы судорожно разбираем и тут же грузим на машину наш театральный скарб, а сами спешим на станцию, к последней электричке. Приходим и видим, что там темным-темно. Касса закрыта, но у нас билеты куплены сразу в оба конца, так что касса нам вообще-то особенно ни к чему. Ждем 20 минут, ждем сорок, а электрички все нет. Впрочем, расписания тоже не видно. И тут мы начинаем догадываться, почему директор клуба не пошел нас провожать на станцию.

Погода мерзкая: холодный, пронизывающий до костей ветер, мокрый снег! Издалека послышался шум приближающегося состава. Двое самых отчаянных наших парней сразу же забрались на крышу скромного станционного навеса и оттуда стали размахивать какими-то красными тряпками. Я был уверен, что из этой затеи ничего не получится. Так оно и вышло.

Потом прошли еще несколько поездов, но мы уже не обращали на них никакого внимания. Лишь в шестом часу утра появился станционный кассир, от которого мы узнали, что первая электричка прибудет через 15 минут... Спустя два часа мы наконец-то добрались до города...

С той поры я дал себе зарок никогда не ввязываться ни в какие антрепризы и не выходить на сцену в качестве актера. Однако человек полагает, а Бог располагает...

И действительно — «сообразили!» Таких артистов 8 мая нельзя было увидеть в концерте и в Колонном зале. Правда, доставляли их сюда не в ЗИЛах и ЗИМах, а в каретах ...скорой помощи. Самые-самые знаменитые и любимые! И все, повторяю, бесплатно, исключительно из уважения к своему товарищу, попавшему в беду.

Уже время начинать, слышны аплодисменты. И тут вдруг выясняется, что вести концерт некому: о конференсье-то мы и забыли. Прошу одного, другого, но никто не соглашается.

— А ты сам попробуй, — предлагает мне знаменитый тенор. — Не надо остричь: просто объяви и уходи!

— Да я ведь никогда этого не делал. К тому же и костюм у меня не совсем концертный: босоножки, синие брюки, сорочка навыпуск.

— Ничего страшного! Не Боги горшки обжигают, — вмешивается в разговор главный врач. — Такие замечательные артисты с любым ведущим будут иметь успех. Давай, давай! А то наши так разволнуются, что мы потом и за месяц не приведем их в норму.

При этих словах он достал из кармана белоснежного халата ключ, слегка приоткрыл дверь и жестом пригласил меня пройти вперед. Я и опомниться не успел, как оказался на сцене. Попытался вернуться, но дверь уже была заперта...

Зал набит сверх всякой меры. Дышать нечем. В первых рядах сидят сотрудники, сзади — выздоравливающие больные. Кому не хватило стульев, по решеткам забрались на окна. Зрелище, прямо надо сказать, впечатляющее. Мой друг, кстати, устроился среди врачей, в самом центре первого ряда. Поднимаю руку — никакого впечатления!

— Добрый день! — стараясь с помощью микрофона перекричать всех, обращаюсь я к зрителям. В ответ — хохот и аплодисменты. — Дело в том, что у нас приключилось недоразумение. Артисты приехали, а о конференсье мы забыли. — В ответ — снова гомерический хохот и бурные аплодисменты. — Между прочим, я пока ничего смешного не сказал. — Новый взрыв восторга. Самое обидное, что вместе с другими надо мной смеялся и мой друг. Он-то ведь знает, что я говорю правду. Ну да Бог с ним!

Объявляю первый номер: называю фамилии автора, исполнителей, а зрители продолжают хохотать. Еле-еле ухожу со сцены: боюсь, что дверь все еще заперта. Но опасения мои оказались напрасны: навстречу мне шли исполнители...

По окончании концерта администрация больницы устроила трогательный прием. Кстати, огнюдь не безалкогольный. Главный врач умело вел стол, произносил пространные тосты за каждого исполнителя. Когда же очередь дошла до меня, он сказал:

— Я-то думал, что вы театральныи артик. А, оказывается, вы просто ловко меня разыгрывали...

«ТОВАРОВЕД»

Скорый поезд № 14 сообщением Тбилиси — Москва и теперь, и прежде — самый главный на столичном вокзале Грузии. К нему не принято прибегать в последнюю минуту. Дорога длинная — почти двое суток — придает и пассажирам, и поезду особую значительность. А если учесть, что экспресс этот вовремя прибывает крайне редко, то слово «почти» можно и вовсе опустить.

Не верите?

В любой день позвоните в справочную. Я как-то спросил:

— Скажите, пожалуйста, четырнадцатый сегодня ожидается по расписанию?

— С чего бы это? — возмутились в трубке. — Пока опаздывает на три часа.

...Перед отправлением из Тбилиси на перроне у каждого вагона собирается толпа родственников, знакомых, друзей. Все приходят не с пустыми руками, каждый норовит одарить тебя фруктами, вином, только что зажаренными цыплятами, сыром, зеленью и, конечно, цветами.

— Спасибо, спасибо, но куда мне столько?!

— Бери, дорогой, пей, ешь на здоровье, угощай попутчиков — все-лее будет в дороге!

И все от чистого сердца. Правда, иногда из последних сил, но это никого здесь не останавливает.

Многие люди любят делать подарки. Но у грузин это какая-то особая, болезненная страсть. Ничего не требуя взамен, они готовы последним поделиться с первым встречным.

...В четырехместном купе нас оказалось только двое. Мой сосед — молодой грузин с Золотой Звездой на груди загрузил до предела все полки: у него одного было три билета.

— Давай знакомиться: меня зовут Георгий. А тебя?

Я представился.

— Прекрасно. В Москву едем? Я тоже. У меня путевка на Выставку достижений народного хозяйства. Буду там делиться опытом. Фильм «Свинарка и пастух» видел? Это про меня. Я тоже пастух.

И тут же накрывает стол, украшает его сказочной зеленью, свежими овощами и, конечно, вином.

Я тоже попытался развернуть свои свертки, но Георгий категорически запротестовал:

— Обижашь, дорогой! Обижашь!!! Сегодня ты мой гость: я тебя угощаю! За наше знакомство! Пей до дна, пей до дна!

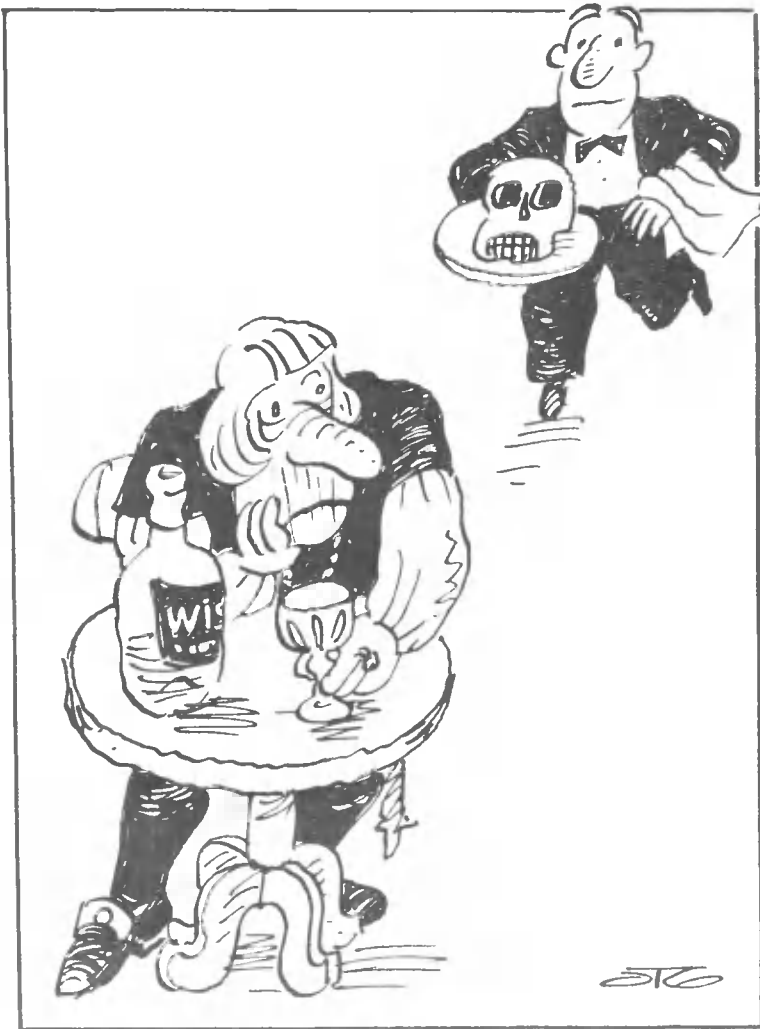
После пятого или шестого тоста он вдруг спрашивает:

— В Тбилиси приезжал в гости?

— Нет, в командировку.

— Уже работаешь?

— Конечно.

- Молодец. И что же ты делаешь?
- Я театровед.
- Ва, такой молодой! Где же трудишься?
- В Москве.
- В ГУМе, наверное?
- Нет...
- В ЦУМе?
- Нет...
- Понял-понял! В «Детском мире»!
- Да нет же! Я не товаровед, а театровед. Ведаю театрами!
- Ясно, ясно. Так ты директор? Кассир? Администратор? Артист?..
- Нет, нет, нет!!!

Георгий окончательно растерялся:

- Генацвале, не мучай меня, скажи толком, кем работаешь?
- Ну, как бы тебе получше это объяснить? Я смотрю спектакли и потом их критикую.
- Как же, как же! Прекрасно понимаю. Критика очень нужна. Ну, а делаешь-то ты что?
- Вот то и делаю, что критикую. Это профессия моя.

Выражение лица Георгия после этих слов до того переменялось, что я, предчувствуя недоброе, вобрал голову в плечи и на всякий случай чуть-чуть подался назад.

— У нас в колхозе тоже одна сволочь есть. Делать ничего не хочет. Но всех критикует. Я бы таких своими руками душил!..

НЕРАЗБЕРИХА

9 мая 1945 года во МХАТЕ шел знаменитый спектакль «Безумный день, или Женитьба Фигаро» П. Бомарше.

За пятнадцать минут до начала представления в кабинет к главному администратору театра знаменитому Федору Николаевичу Михальскому ворвался молодой полковник — вся грудь в орденах — и, не скрывая возмущения, залпом выпалил:

— Что тут у вас происходит?! Мы водрузили знамя над рейхстагом, а вы до сих пор никак не можете выяснить, какой сегодня пойдет спектакль? Всю ночь простоял у кассы, но кассирша ничего не знает. Сейчас дали уже звонок, а билетеры все равно отвечают неопределенно: «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Разберитесь, пожалуйста!

Михальский, догадавшись, в чем дело, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, на полном серьезе говорит:

— Видите ли, вам сегодня исключительно повезло. По случаю великого всенародного праздника мы решили в один вечер сыграть и «Безумный день», и «Женитьбу Фигаро»!

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОДЕССУ

Так уж вышло, что по делам службы за долгие годы я объездил почти всю страну. Но вот в Одессе побывать не довелось. А когда, наконец, собрался туда, друзья стали отговаривать:

— Да что ты там будешь делать? Разве это та Одесса, о которой писали Куприн и Бабель, Ильф и Петров, рассказывал Леонид Осипович Утесов? Лучше уж снова перечитать их произведения, чем увидеть, во что превратилась Одесса в последние годы.

Но я все же рискнул. Кто знает, представится ли новый случай? К тому же театральные фестивали! А вдруг покажут что-то из ряда вон?!

Милая барышня из местного Дома актера встретила меня на вокзале и доставила в новую, современную гостиницу для творческих работников.

— Сегодня вы отдыхайте, а завтра ровно в 10 утра от гостиницы отойдет автобус на экскурсию по городу для всех гостей и участников фестиваля. Не опаздывайте!

...Черноокая брюнетка в окошке администратора, вручая «Карту гостя» и ключ от номера, многозначительно сказала мне:

— У вас двухместный люкс. Но не волнуйтесь, я предупреждена — вы будете жить один. Паспорт не нужен, деньги тем более. Анкету заполните в номере и отдадите завтра, а расчет мы производим только в момент отъезда. Вы поняли меня, мужчина?!

— Понял, понял!

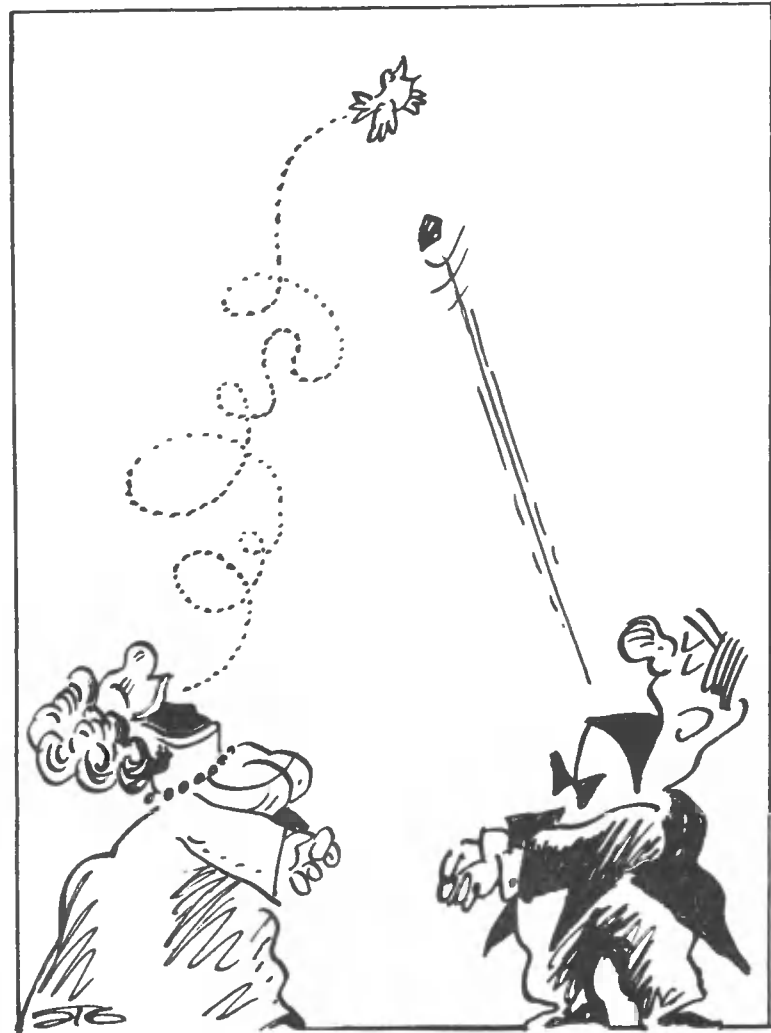
На лифте поднимаюсь на 4-й этаж, вот и мой люкс. Открываю дверь, вхожу в номер, включаю свет, ставлю чемодан, вешаю плащ и ... столбенею: рисунок на стенах и потолке тут же пришел в движение, совсем как в детском калейдоскопе. Сообразив, что это не галлюцинация, а обыкновенные тараканы, пулей вылетаю обратно.

— В чем дело? Там чего-нибудь не хватает? — любезно поинтересовалась моя гостеприимная хозяйка. — Испортился холодильник, телевизор, не работает телефон? Не волнуйтесь, сейчас все сделаем!

— Нет, нет! Вы меня не поняли, там все есть, но... — Тут я замаялся, не зная, как сказать о тараканах, чтобы никого не обидеть. — Мне показалось ...одним словом, нельзя ли попросить другой номер, без тараканов, — еле выдавил я из себя.

— Конечно, можно! Сейчас вы выйдете из нашего подъезда, напротив агентство Аэрофлота, обратитесь к диспетчеру Оксане — это моя подруга, я ей позвоню, она даст вам билет до Мурманска, там я гарантирую вам номер без тараканов. — И после небольшой паузы добавила примиряюще: — Ближе, к сожалению, ничего подходящего предложить не могу: Одесса — теплый, южный город. Здесь всем должно быть хорошо: и вам, и мне, и тараканам. Вы поняли меня, мужчина?!

Нигде так остро не ощущаешь проблемы пола, как в Одессе. «Мужчина, мужчина, мужчина!» Или, напротив: «Женщина, женщина, жен-

щина!» И на аристократической Пушкинской, и на знаменитом Привозе, где, кстати, и пены, и товары, говорят, совсем не те, что были прежде. Если быть до конца последовательным и честным, надо признать, что и с аристократами на Пушкинской сегодня тоже не все благополучно...

У меня нет выбора. Я остаюсь наедине с тараканами. О том, чтобы раздеться и лечь в постель, не может быть и речи. Мне кажется, эти уса-тые хищники только и ждут, чтобы напасть на кого-то. Такие пахаль-ные! Никого не боятся, бегают повсюду, будто не я, а они сняли номер.

Включаю телевизор, но там показывают какую-то ерунду. Открываю дверь в лоджию, достаю бумагу, книги, пытаюсь начать работать, чтобы побороть сон. Но чувствую: силы сопротивления покидают меня. И тут вдруг я обращаю внимание на «Карту гостя».

Из нее узнаю, что администрация гостиницы желает мне приятного отдыха.

Что расчетный час здесь установлен, как и повсюду, в полдень.

Почти ничего нового, необычного, особенного.

Разве что в конце такой пассаж: «Избегайте курения в постели, это удовольствие может обернуться большим несчастьем».

Сон как рукой сняло: юмор — великая вещь!

Дождавшись утра, спускаюсь вниз, сдаю анкету и заодно осведомля-юсь у очаровательной смуглянки, кто автор этого противопожарного шедевра?

Дважды внимательно прочитав текст, она лукаво спрашивает:

— Там какие-нибудь запятые не на месте? У нас так плохо с типо-графиями!..

— Мужчина, мужчина! — слышу сзади настойчивый призыв, явно об-ращенный ко мне. — Извините, но мне нужно срочно рассчитаться! У те-бя все готово?

— Готово, готово! Эта филармония — вечно у нее пожар! 82 рубля 50 копеек.

— Мне, конечно, все равно, но неделю назад ты взяла с меня за эти же хоромы ровно половину.

— Ах, так я тебя обчистила?!

— Упаси Бог! Но, клянусь здоровьем мамы, я говорю чистую правду!

— Этого не может быть! У нас же государственный тариф! Вот, мужчина, смотрите сюда!

И она стала что-то показывать, объяснять, складывать, умножать...

— Все правильно, но калориферы и холодильники испорчены, теле-фоны и телевизоры не работают, сифонов с прошлого года нет. Почему я должна за все это платить?

— А ты думаешь, мне с первого этажа видно, что не работает на восьмом? Надо было сразу заявить, мы бы все починили.

— Или... Ладно, в другой раз!

— Ты мне одолжений не устраивай! Выставила перед мужчиной в таком виде!.. Давай сюда счет!

И она тут же, правда, не без лишних слов, все пересчитала, заново выписала квитанцию, получила деньги и с доброй улыбкой пожелала коллегам из филармонии счастливого пути!

...Побывать в Одессе и не зайти в знаменитый Оперный театр?! Но мы смотрим по 3—4 спектакля в день и поэтому пока физически не имеем такой возможности. Зато в последний вечер, кажется, нам удастся послушать здесь «Кармен». Правда, со второго акта, но все же...

Подъезжаем к театру и видим, как навстречу оттуда выходят толпы зрителей. Сопровождающие объясняют это тем, что большую часть зала составляют курортники профсоюзных здравниц. Далеко не каждый из них меломан. Но о красотах здания наслышаны все. Вот и привозят их сюда издалека на автобусах, как на экскурсию...

Переждав едва ли не весь антракт, мы наконец-то увидели сказочно красивое здание. Но мне сверх того захотелось хоть на миг одним глаз-ком взглянуть на спектакль, с которого так дружно ушли почти все зри-тели: «Кармен» все-таки!..

Однако через несколько минут после возобновления действия я по-нял, что выдержать подобное зрелище могут лишь глухие, если они к тому же еще и слепые...

...Мои соседи по купе — молодые общительные одесситы — отправля-лись в Москву в свадебное путешествие.

— Судя по всему, вы не местный?

— Угадали.

— И где же мы живем постоянно?

— В Москве.

— Ну, что я тебе сказала? Сразу же слышен жуткий акцент и кош-марный выговор!

II. МОНОЛОГИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

СКАЗКА О ГЛУПОМ МЫШОНКЕ

(Почти по С. Маршаку)

В ИЗЛОЖЕНИИ СО СТОРОНЫ

Вы, вероятно, помните сказку Маршака о глупом Мышонке, который постоянно был недоволен своими нянками. Одна пела слишком громко, другая — слишком тихо...

Эта сугубо сказочная кошачье-мышинная история обернулась вдруг вполне реальной современной человеческой притчей. Но вместо маленького Мышонка в ней оказались замешаны вполне взрослые артисты. А роли няnek взяли на себя режиссеры. Собственно, в этом и состоит принципиальное отличие сказки Маршака от нашей театральной были.

Сперва немного истории. В разные годы этим театром руководили разные режиссеры. Но они были последовательными сторонниками системы К. С. Станиславского, а некоторые из них — его учениками или учениками его учеников.

Обо всем этом легко сможет узнать каждый, кто прочтет небольшую книжечку, выпущенную театром к своему юбилею. Отсюда же выяснится, что, хотя в прошлом у юбиляра было немало заслуг, пора наибольшего цветения приходится как раз на текущий момент, когда коллектив возглавил его нынешний главный режиссер.

Здесь можно было бы поставить точку, если... Если бы я не знал историю этого театра и историю этого режиссера до того, как они встретились. В исторической части очерка почти все верно. Разве что из него нельзя догадаться, о каком из драматических театров идет речь. Но это и не так важно: на обложке книжки есть его полное имя.

В течение многих лет этот театр возглавлял действительно талантливый человек, который его и создал. Когда же его не стало, на афише появилось имя нового главного режиссера. Это был опытный, известный в городе актер, никогда прежде режиссурой не занимавшийся.

Если бы он не поторопился с собственным дебютом, возможно, события развивались бы и не так стремительно. Сперва, правда, решили новоявленного режиссера пощадить: не сразу и Москва строилась!.. Шутка ли, в такие годы начать овладевать новой профессией? Да еще без всякого к тому призвания.

Но через два года и без андерсеновского мальчика стало ясно: король голый. И тогда пришлось освободить главного режиссера, естественно, по собственному желанию.

Но не думайте, пожалуйста, что с этого дня наступила новая эра в жизни театра. Ведь за два года коллектив разделился на несколько враждующих групп: «за» и «против» нового руководителя, «за» и «против» директора, «за» и «против» председателя месткома.

Причем деление это происходило не на принципиальной, творческой основе, когда все талантливые люди собираются вместе под одним знаменем, а бездарные — под другим. Ничего подобного. Просто кто-то кому-то что-то сказал, пообещал — не выполнял, дал роль, не дал роль и т. д. и т. п.

Из-за распределения премий, правда, неприятности прекратились: театр перестал выполнять план. Так появились первые признаки болезни у этого внешне пока еще здорового коллектива...

Теперь все сходилось на том, что «нет пророка в своем отечестве». Надо искать человека со стороны. И его нашли. Но не успел он поставить свой первый спектакль «Ромео и Джульетта», как отчаянно влюбился в молодую героиню и, конечно, вынужден был вместе с ней покинуть театр и город.

Воистину «нет повести печальнее на свете»...

«Да и не потерпим мы ловеласов», — решили ветераны.

Вместо него срочно пригласили вполне зрелого мужа в надежде, что он уж если театр и не поднимет, то, во всяком случае, ни в кого не влюбится. И надо сказать, что надежды эти оправдались.

Правда, освободиться от столь опытного художника оказалось делом нелегким. Ведь он не пил, не курил, вел себя хорошо. Ну, а что спектакли ставил средние, так мало ли кто ставит плохие спектакли? Разве всех выгоняют? Да и не могут все быть талантливыми, ни к чему это. Так и гениев недолго обесценить...

И все же через 5 лет, добившись разных благ, пережив трех директоров и потеряв какой бы то ни было интерес к театру, наш главный режиссер самостоятельно решил сосредоточить свои силы на воспитании режиссерской смены.

К этому времени у труппы была уже такая репутация, что не всякий режиссер мог рискнуть взять на себя руководство театром.

Рассказывали, что здесь у некоторых артистов начали проявляться атактистические признаки режиссероедства. Несколько лет театр вовсе работал без главного режиссера под руководством режиссерской коллегии, в которую как раз и вошли самые главные режиссероеды.

Сперва им казалось, что теперь-то и настал золотой век. Но, так как в глубине души они не выносили друг друга, их тройственный союз постепенно стал ослабевать.

Первым это почувствовал заведующий литературной частью, когда узнал, что отныне все члены коллегии желают получать пьесу в один и тот же час и только в первом экземпляре. Пришлось рассильным свертать часы по радио и ровно в двенадцать одновременно звонить в три двери.

В театр члены коллегии приходили крайне редко, в репертуаре были заняты мало, о делах могли судить по донесениям особо доверенных и лично преданных им артистов, занятых обычно в ролях слуг и лакеев, но не теряющих надежду когда-нибудь добраться и до Гамлета...

В конце концов народ, который, как известно, долго безмолвствовал, вдруг зароптал. А тут еще пожар случился, и решено было сменить все руководство: от начальника пожарной охраны до главного режиссера. А так как главного режиссера и вовсе не было, пришла кому-то в голову идея: а не по этой ли причине и возник пожар?

Постановили: срочно коллегию упразднить.

Так появился новый главный режиссер. Молодой, энергичный, окончивший актерский факультет. Правда, актер из него не вышел. Но он хорошо работал в местном, и дирекция театра, где он служил прежде, доверила ему поставить новогоднее представление. И тут же командировала в Москву, на Высшие режиссерские курсы...

В ту пору на эти курсы принимали людей не только без высшего режиссерского образования, но даже и без высшего актерского. Стоило им поставить один-два спектакля.

Можете ли вы себе представить, чтобы в Институт усовершенствования врачей командировали самую опытную и добросовестную няню или фельдшера? Даже если им однажды и довелось кого-то удачно прооперировать?

Но театр не медицина, здесь свой устав. Именно поэтому врач сохраняет за собой рабочее место в период усовершенствования. А режиссер, как правило, летит вить новое гнездо. Да и никто не стал бы так легко командировать на Высшие режиссерские курсы, если бы думал, что потом ему же придется уступать свое место. А так — пусть у других голова болит! Чтобы не быть голословным, расскажу все по порядку...

Итак, председатель культкомиссии профкома подготовил для показа художественному совету свою первую серьезную самостоятельную режиссерскую работу.

В качестве автора новогоднего сценария он привлек жену директора театра. Музыка к спектаклю сочинил сын дебютанта. Танцы поставила

бывшая балерина — ныне инспектор труппы. В главных ролях оказались занятые артисты вспомогательного состава и пенсионеры — на разовых.

Таким образом, спектакль был сделан исключительно за счет мобилизации внутренних резервов.

— Сегодня мы обсуждаем не просто новую работу. Сегодня мы решаем вопрос — быть или не быть премии, — многозначительно угрожающе начал заседание художественного совета директор театра.

— Станиславский говорил: для детей надо играть так же, как для взрослых, только еще лучше, — дополнил выступление директора главный режиссер. Он всегда ссылаясь на авторитет Константина Сергеевича, будто все это слышал от него лично. — И поэтому я призываю членов художественного совета высказаться сейчас по существу: коротко, принципиально, доброжелательно и нелицеприятно.

Хочу начать с самокритики. Да простят мне товарищи, всем нам сегодня был преподан наглядный, поучительный урок. Кто бы мог подумать, что наш дорогой дебютант — настоящий режиссерский самородок! Теперь все видят, какой он молодец, но куда мы смотрели прежде, когда доверяли ему исключительно роли без слов? Спасибо, дружище, ты заслужил благодарность, и я охотно даю тебе рекомендацию на Высшие режиссерские курсы. Иди и учись: ученье — свет, неученье — тьма. (Последнее главный режиссер знал особенно хорошо по собственному опыту, так как сам никогда нигде не учился.)

Чтобы спектакль получился на пять с плюсом, позволю одно небольшое замечание. Я бы поменял места исполнительниц ролей Снегурочки и Бабы Яги. Сейчас получается, что Баба Яга много моложе Снегурочки и привлекательнее. Боюсь, что это внесет путаницу и дети нам не поймут. А так — еще раз поздравляю и благодарю!

Почти все члены художественного совета поддержали мнение директора и главного режиссера. Кроме одного ведущего актера, который, как всегда, влил свою персональную ложку дегтя в общую бочку меда и сказал все, что думал о спектакле. Но к его выступлению все отнеслись спокойно: в любом случае этот брюзга, годами не выходивший на сцену, не мог рассчитывать на премию. Уволить же его — руки коротки. Да и за что увольнять? Пусть себе говорит и тешится!

Спектакль приняли, а на другой день — премьера. Все билеты продали еще за месяц вперед. Это тебе не «Собака на сене», на которую и в воскресенье никого калачом не заманишь. На елку приходят целые классы и даже школы. По четыре «сеанса» в день.

Больше всего дети интересуются содержанием и формой... подарков. Это и понятно: в наш век всеобщего атеизма, когда после первого посещения детского сада познаются все тайны вселенной, а точнее, выясняется, что никаких тайн в природе не существует, стоит ли удивляться детскому прагматизму? Они знают, что и Дед Мороз, и Бармалей, и Красная Шапочка — обыкновенные дяди и тети, только переодетые...

Чем больше усердствовали Айболит и Карлсон — в пьесе жены ди-

ректора театра действовали исключительно знаменитые персонажи, — тем менее внимательно следили юные зрители за развитием событий, настойчиво повторяя один и тот же вопрос: скоро конец?!

И вот долгожданный миг настал! Надо было видеть, с каким восторгом, с каким воодушевлением вырывались из театра ребята. Куда Соловьи-Разбойнику до их прыти!

Наконец-то свобода!

Они могут бросаться снежками, прыгать через сугробы, просто орать от радости, что им больше не нужно слушать песенку безголосой Снегурочки, глупые стихи Зайца и Лисицы...

Им — несознательным — и в голову не приходит, что такое «муки творчества», «сверхсверхзадача», «зерно образа» и другие, не менее важные проблемы, которые выясняли участники спектакля в процессе репетиций.

Что им до того, что за время зимних школьных каникул благодаря елкам театр перевыполнил план и теперь может жить спокойно. Что многим актерам удалось интересно раскрыть биографию Редиски и Репы. Особенно ярко прослеживается «второй план» в действиях Огурца и Морковки, на что своевременно обратила внимание чуткая критика, подчеркнувшая здоровый интерес автора и театра к витаминизации меню школьников.

Спектакль, безусловно, сделал свое дело: премия получена, направление на Высшие режиссерские курсы имеется. А теперь и диплом в кармане, что и требовалось доказать...

И вот наш новый главный режиссер, наделенный чрезвычайными полномочиями, явился в театр в конце сезона. На вокзале его встретил почтенный председатель местного отделения Союза театральных деятелей и по дороге в гостиницу сказал: «Мы потерпели крушение, но мы не пираты. Если вы будете опираться на нас, корабль скоро выправит курс. У нас ведь неплохая команда, нужен только хороший капитан!»

— Кто эти люди, на кого я могу опереться?

— Вот список, — доверчиво ответил председатель и протянул бумажку. — Ваши предшественники недооценивали наши силы. В этом была их главная ошибка.

На следующий день, беседуя в Управлении культуры с глазу на глаз с Начальницей, новоявленный гений, начертав грандиозный план перестройки всей деятельности театра, между прочим сказал:

— Я знаю, что в театре, к сожалению, есть определенная группа людей, которая будет мешать мне в осуществлении этой программы. Предупреждаю, я не потерплю никакой возни, никакой оппозиции, никакого критиканства. Вот список наиболее опасных «деятелей», — сказал он, передавая полученную вчера от услужливого председателя записку. — Их надо будет обезвредить в первую очередь.

— Но ведь здесь есть и способные люди, — попыталась робко возразить Начальница.

— Тем опаснее они для нашего общего дела. Театр — союз единомышленников. Мне нужны преданные люди, а не заговорщики, которые с первых дней будут искать, к чему бы можно было придраться. Вот я вчера только обмолвился о репертуаре, — не моргнув соврал режиссер, — так знаете, что некоторые из них сказали? «В нашем городе на такие пьесы ходить никто не будет». «Но ведь театр не мещанское болото, театр — кафедра, театр — трибуна!» — говорю я им. «Да, конечно, вы правы, но мы ведь лучше знаем своих зрителей», — возражают они. «Так будем вместе их переосмысливать на настоящей драматургии. Ведь стыдно смотреть на афишу. Что вы играете?!»

Перепуганная Начальница закивала головой, будто и не Начальница она уже и не подчиненный перед ней, а самый что ни на есть большой Начальник. Ну и страха же он напустил на нее!

Первый спектакль новый главный делал три месяца, занял в массовых сценах всю труппу. На премьеру лично привез из Москвы известного автора. Сам летал за ним, пока ассистент давал последние указания артистам.

Спектакль получился длинный, скучный, но присутствие столичного драматурга создавало особую атмосферу в зале. Тем более что об этом было объявлено еще до поднятия занавеса. А когда представление окончилось, всем, естественно, захотелось увидеть живого классика. На сцену вынесли несколько корзин с цветами, все целовались, жали друг другу руки: премьер!

На другой вечер спектакль шел без автора. И провалился. Но судьба режиссера была уже решена.

С тех пор прошло немало лет. За эти годы ушли не только те, кто был помечен в том злополучном списке.

Наш режиссер давно уже забыл, что театр — трибуна, кафедра. Он получил все возможные награды и премии.

Вместе с ним театром руководит его жена. Когда-то она тоже была актрисой, но последние годы оставила сцену и решила постоянно играть одну роль — жены художника. Она всегда вместе с ним на репетициях, заседаниях худсовета, зрительских конференциях, на гастролях: «Мы вчера читали пьесу. Вам, милочка, там есть роль, можете быть уверены!»

Когда на профсоюзном собрании кто-то робко попробовал покритиковать руководство, жена художника решительно пресекла критикана: «Надо получше за своей женой смотреть!.. И вообще я поражаюсь: на художника льют грязь, а вы как в рот воды набрали? Или, может быть, согласны? (Выразительная пауза.) Папочка! Перестань сосать нитроглицерин! Идем сейчас же отсюда! Ты же видишь: это твои враги! Они хотят твоей смерти!»

Утром, после премьеры, жена художника доверительно говорила единомышленникам о впечатлениях начальства: «Он прямо сказал мне о моем: «Гений!»

Вообще-то супружеский союз во многом был замещен на этой самой

гениальности. Она внушала ему, что он — гений, а все вокруг — бездария и завистники. За столом повязывала салфетку как слонявчик, на пляже следила, чтобы не перекупался в море или не перегрелся на солнце.

Однажды в марте месяце, когда погода была еще неустойчива, в театре была устроена пресс-конференция для советских и зарубежных журналистов. Вдруг прибегает администратор с большим свертком, на котором знакомой женской рукой начертано всего два слова: «Вручить немедленно!» Подали сверток художнику. Он стал разворачивать его. Фотокорреспонденты нацелились, и вдруг все ахнули: в руках у главного режиссера оказалась пара исподнего...

Вернувшись из-за рубежа, художник с супругой охотно делились впечатлениями от встреч с императорами и рабочими, сетовали на отсутствие цензуры нравов на Западе, отчего они вынуждены были по многу раз смотреть порнографические фильмы и спектакли...

На премьеры сюда охотно приезжают московские и ленинградские авторы. Особенно из числа тех, чьи пьесы идут только в этом городе. А в последние годы наш режиссер обзавелся не только своими столичными островскими, но и своими белинскими.

Правда, они не так чтобы очень уж были неистовыми. Даже скорее наоборот.

Но, с другой стороны, к чему такая придиричивость?

Свои люди — сочтемся!

За последние десять лет, что приходится как раз на период наиболее махового цветения этого театра, отсюда ушли почти все, кто работал здесь прежде. Нет, они еще не пенсионеры. Отнюдь! Просто среди них главный режиссер не обнаружил подлинных единомышленников. Он никого не выгонял, не объявлял конкурс. Но создал такую обстановку, при которой даже те, кто уверял себя и его в том, что ему нравится главный режиссер, вынуждены были покинуть театр.

Правда, совсем как в сказке Маршак?

С ЧЕГО КОНЧАЕТСЯ ТЕАТР,

или

Сказка о глупом Мышонке
в изложении бывшего режиссера

Мой собеседник не нуждается в том, чтобы его представлять читателям. Опыт и мысли известного режиссера содержат несомненный интерес для тех, кто намерен посвятить свою жизнь этой нелегкой профессии.

— Знаете, что чаще всего мешает молодым? Думаете, недостаток об-

разования, скудость ума, отсутствие таланта? Ничего подобного! Все это важно, но решающего значения иметь не может.

Молодых губит нетерпеливость. Для дебюта они выбирают «Гамлет». Как будто до них никто об этой пьесе ничего не слыхал. Но кто позволит какому-то неоперившемуся молокососу ставить трагедию всех времен и народов, даже если он знает, как это сделать?

Формула «Тише едешь — дальше будешь» в нашем деле должна быть усвоена вместе с первыми позывами к режиссерским занятиям. Призвание у каждого обнаруживается по-своему. Лично мне, например, надоело в свое время в течение семи лет на разные лады, не повторяясь, отыскивая «зерно» образа, сообщать: «Кушаты подано».

Да, я знаю, что «надо любить искусство в себе», что «нет маленьких ролей» и т. д. и т. п. Однако в жизни каждого потенциального режиссера наступает такой день, когда он больше не желает от всех зависеть. От первых персонажей, от главного режиссера и даже от его жены.

Свои режиссерские способности лучше всего испытать на работе в местком. И ты сам, и все вокруг станут постепенно замечать, что и ты кое-что можешь. Теперь ты чаще будешь встречаться с руководством. И не как какой-нибудь жалкий проситель, а на равных. И планы театра, и его отчеты — все вдруг окажется в твоих руках.

Как было со мной? Помню, получили мы строжайшее предписание выпустить к зимним каникулам утренник. Собрался худсовет, директор докладывает: «Так, мол, и так, придется исполнять».

А главный ударился в амбицию: «Что же мы — ТЮЗ? Я давно мечтаю о настоящем полотне, до премьеры рукой подать. А вы предлагаете все бросить и начать репетиции сказки?»

Пауза. Все молчат.

Директор смотрит на очередного режиссера в надежде, что тот сейчас предложит свои услуги. Многие считают, что он давно уже мог бы ставить самостоятельно. В глубине души и он так думает. Но признаться публично в том не смеет: очередной режиссер — человек опытный, при нем уже три главных сменилось и пять директоров. И он со всеми был в прекрасных отношениях...

Ситуация, прямо скажем, критическая. Заставить главного ставить утренник директор не в силах. Но и ослушаться приказа начальства он тоже не может. И тут меня осенило: «Не боги горшки обжигают!»

Выждав еще пару минут, я рискнул: «Все мы здесь люди свои. Известно, я никакой не режиссер. Веду, правда, кружок в самодеятельности, но это совсем другое дело. И все-таки, когда я думаю, как выйти из создавшегося положения, мне кажется, я бы мог попробовать. Если, конечно, дирекция согласится оказать мне такое доверие, а главный станет лично руководить моей работой».

С тех пор прошло уже лет двадцать. Я сам давно возглавляю театр. Но тот исторический худсовет помню так, будто он был вчера. Все обрадовались, словно я совершил какой-то подвиг. Главный оценил мою

скромность и тут же согласился помогать во всем. По предложению директора оформление поручили заведующему постановочной частью. Это был его дебют в качестве художника. Я занял всех актрис, свободных от полотна главного, и приступил к репетициям буквально на другой день. Премьеру сдали в срок, я получил премию и благодарность.

На время выпуска спектакля директор распорядился освободить меня от всех массовок и эпизодов. Больших ролей я не играл, и вышло так, что я вообще выпал из репертуара. Месяц-другой зарплату получаю, а делать ничего не делаю. А тут как раз письмо пришло: «Предлагаем выдвинуть на Высшие режиссерские курсы перспективного товарища».

Главному учиться ни к чему, он и так уже главный.

Очередной по возрасту не подходит. Да и анализы у него плохие.

И тут директор вызывает меня и говорит: «Хочешь учиться?»

Собственно, эти курсы и были моими единственными университетами. Восемь месяцев прожил я в Москве, получил соответствующий документ и направление в театр. Не в столичный, конечно. В областной. Там я и начал свой самостоятельный путь.

Первым делом составил репертуар так, чтобы все 40 артистов оказались заняты в спектаклях. Параллельно мы репетировали три пьесы. Очередной режиссер и еще два актера, которым, как и мне в свое время, надоело говорить: «Купить подано», — стали с удовольствием «разминать» материал. А я пришел к выпуску и рукой мастера нанес последние штрихи.

В Москве многие так делают...

У меня свой метод работы с актерами. Другие любят кричать, оскорблять помощников. Я никогда ни на кого голос не повышаю. Редко когда останавливаю репетицию, стараюсь не мешать. Так, реплику иногда из зала подкину: «Таня, ты гений!», «Рита, сегодня ты Дузе!», «Валя, ты наша Мария Казарес!».

На следующий день других актеров называю Хмелевым, Яншиным, Астанговым! Да мало ли у нас было прекрасных мастеров? Тут только память хорошая нужна, чтобы второй раз никого Андровской не назначить.

Эффект — колоссальный. Настроение у всех поднимается. После репетиции даже те, кто сперва был против меня настроен, начинают говорить, что им до сих пор не доводилось работать с настоящими режиссерами. Раз уж я их так понимаю, то и они мне тем же платят...

При этом я ни на минуту не упускал из виду Управление культуры, местных критиков, которых по моему предложению ввели в состав художественного совета; наших кураторов из московского СТД, Министерства культуры. И здравствующие авторы, и столичные гости своим присутствием на премьерах придали им особую праздничность, что сразу же отразилось и на страницах газет. Правда, пока только местных. И тут я понял, что без энергичного помощника по литературной части мне не обойтись.

Найти хорошего завлита не менее трудно, чем молодого героя без жены — характерной актрисы, претендующей на роли героинь. Тем более когда должность эта отнюдь не вакантная.

Как избавиться от живого человека, проработавшего здесь не один год без единого замечания?

То, что мы с ним не работаем, я понял сразу. Но это еще не основание для увольнения. А тут как раз мне порекомендовали молодого человека, который способен на все. Причем он тут же доказал это на деле и написал такую хвалебную статью обо мне, что даже я смутился.

В конце концов Управление культуры пошло мне навстречу: впереди предстоял ответственный сезон, через два года — гастроли в столице. Старого завлита перевели на педагогическую работу, и я, наконец, получил долгожданного помощника.

Дело прошлое, но могу прямо сказать: ошибаются те главные, кто думает, что театр начинается с репертуара. Театр начинается с завлита!

У хорошего помощника главного режиссера и авторы, и актеры, и Управление культуры, и неподкупные критики — все в руках.

Драматургам он обещает зеленую улицу их пьесам.

Актерам — главные роли.

За Начальника Управления готов написать любую справку.

Критики могут рассчитывать не только на контрамарки, но и на работу в театре для своих детей, которых мы, как известно, любим больше себя самих.

Моего завлита многие не воспринимают. Говорят, будто, когда он идет по коридору, слышно, как копытца стучат. И рожки у него намечаются. И хвост кто-то видел.

А мне кажется: кому нужен завлит, у которого нимб над головой и крылышки за спиной? С таким не то что в Москву не попадешь — и дома-то не удержишься.

Помню наши первые гастроли в столице. Два года мы к ним готовились. Всё нужных людей приглашали. И вот, наконец, долгожданный день наступил. Некоторые беспокоились: сборов не будет. Наивные, они не знали, что в Москве в ту пору сборы всегда отличные были. Одних командировочных сколько! Всем хочется к культуре приобщиться. Не ГУМом единым жив человек!

Это уж потом, когда они придут в театр, купят программу, тогда и узнают, что сегодня не Театр на Таганке, а мы играем. А не купят, так в неведении счастливым останутся.

Больше всего меня волновало обсуждение. Не все ведь в театре в один день моими доброжелателями стали. Иные затаились в ожидании.

Но мой помощник так все устроил, что наши недруги сразу хвост поджали. А уж когда мы домой на коне вернулись, я с ними, голубчиками, церемониться не стал. С тех пор у меня в театре одни единомышленники. Я за этим очень строго слежу!

Тут как-то недавно рецидивы критиканства обнаружили.

— Что это такое — в «Вишневом саде» на балу у Раневской вместо старого еврейского оркестра, как сказано у Чехова, мы вокально-инструментальный ансамбль с электрогитарами выпустили?

— Наш театр синтетический. Не нравится — никто силой не удерживает, — с места парирую я. — А то некоторые хотят и зарплату получать, и ничего не делать.

Короткая реплика, а сразу подействовала.

Время от времени проносится слух, что меня приглашают на работу в Москву. Когда у меня самого об этом спрашивают, я отвечаю уклончиво. И, знаете, чем уклончивее мой ответ, тем сильнее впечатление.

Но по секрету скажу: никуда я не собираюсь. От добра добра не ищут. Здесь меня каждый знает. Чуть что не так, сейчас можно меры принять. Для нового места у меня уже и зубы не те стали. А для главного режиссера крепкие зубы важнее самого могучего таланта!..

В этом месте мой собеседник широко открыл рот, и мне на какой-то миг показалось, что передо мной сидит серый волк с двумя страшными челюстями. Когда он их снова со скрежетом сжал, я поспешил проститься, чтобы успеть, пока не забыл, записать эту поучительную историю.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ БЫВАЛОГО ТЕАТРАЛА

Ваш корреспондент побывал у известного театрального деятеля Ивана Ивановича Зайгезунда с просьбой поделиться своим опытом и знаниями с читателем.

Ниже речь пойдет о наиболее ценных для истории театра сведениях, которые удалось записать во время этой беседы.

— Время, время, время... Оно летит, это уже доказано. И сейчас, подытоживая опыт прошлых лет, я с грустью думаю о том, что скоро пробьет и мой последний час. Ну, что же? Все живое, кроме академических театров, однажды родится, чтобы когда-нибудь умереть. И потому я готов мужественно смириться с этой несправедливостью жизни, — начал Иван Иванович.

Много лет обсуждается вопрос о том, быть или не быть театру. Есть люди, которые считают, что театр устарел, что на смену ему пришли другие, более современные виды искусства, что он отстает и т. д. и т. п. ...

Начнем с конца. Давайте уточним, от кого и от чего отстает театр. От достижений науки, техники, поэзии, музыки, шахматного искусства, спорта? Пожалуй, от всего этого театр действительно поотстал, но положение его до тех пор не покажется мне безнадежным, пока рядом с театром будет существовать и развиваться телевидение...

Долгие годы ведется спор о том, кто есть главная фигура в театре. Сначала, судя по дискуссии, которая велась на страницах нашей печати, можно было предположить, будто режиссер и есть всему закладка. Затем оказалось, что дело вовсе не в режиссере, а в артисте. Позже, опровергая опыт и выводы двух прежних дискуссий, эти же постоянные участники всех дискуссий стали утверждать новую, никем еще не высказанную мысль о том, что главное лицо в театре — драматург.

Думаю, что, когда будут рассмотрены все театральные профессии, включая и того самого осветителя, которого когда-то увесочил М. Зощенко, участники дискуссии придут к выводу, что театр — это союз единомышленников и потому все его сотрудники одинаково важны. За последние годы подобное утверждение повторяется так часто, что сейчас нет уже никакой возможности точно установить, кто первый высказал эту оригинальную мысль: Аристофан, Станиславский или Геннадий Юденич?

Из всего вышесказанного вы уже, очевидно, догадались, что, с моей точки зрения, главное действующее лицо в театре, конечно, администратор. От его опыта и умения зависит судьба любого театрального коллектива. Помните, пожалуйста, что администратору еще больше, чем кому-либо, необходимо острое чувство современности. Всевозможные «дедовские» приемы продажи билетов («с нагрузкой», лотерея в театре после спектакля, коллективные контрамарки — все это не могло кардинальным образом изменить положения.

Во-первых, выяснилось, что нам незачем было конфликтовать с телевидением. Напротив, мы охотно стали заключать договоры с различными телевизионными студиями и по их просьбе выезжать в другие города. После того как спектакль был окончательно изношен, мы с удовольствием показывали его по телевидению своим землякам или позволяли кинематографистам сделать экранизацию.

Большую помощь оказывали нам «целевые» спектакли. Мы знали, что в такие дни большинство зрителей приходит и в театр ради танцев. Это после первого же антракта, а иногда и раньше они начинают мешать тем немногим, кто все же хотел смотреть спектакль. Но никакие решения художественных советов и коллегий, протесты зрителей и артистов не могли остановить нас: ведь мы подчинились не голосу одиночек, а Управлению культуры, а оно смотрело на это сквозь пальцы, хотя изредка по-отечески и журило нас. Дело дошло до того, что мы выпускали типографские сводные афиши, где заблаговременно извещали о том, что в такие-то дни в театрах состоятся вечера молодежи с танцами и со спектаклем, конечно. Правда, иногда возникали скандалы, многие зрители справедливо возмущались: акты были слишком длинны, а антракты чересчур коротки...

В эти же годы появились и народные театры. Они многому учились у нас, в том числе и опыту организации зрителей... В одной из афиш,

помню, было написано: «До начала, в антрактах и по окончании спектакля играет эстрадный оркестр. Цена билета 50 копеек».

Устроители, очевидно, по неопытности, забыли добавить: «В буфете есть пиво». А может быть, пива просто не было?

Многие ошибочно полагают, что администратору нет дела до репертуарной политики театра. А между тем администратор лучше многих других артистов и режиссеров заранее знает, обречен ли этот спектакль на провал или успех.

Иногда театр вынужден ставить этапные спектакли, которых больше всего боятся зрители. Долгое время мы не знали, как поступать с такими спектаклями, где находить для них особенно сознательных зрителей. Но затем одно наблюдение натолкнуло нас на верный путь.

Почти в каждом театре не реже чем один раз в два-три года готовили новый спектакль для юных зрителей. Опыт показал, что школьники охотнее, чем взрослые, ходят в театр. Тогда мы стали думать: нельзя ли найти повод, чтобы показывать им и все остальные наши работы? Хорошо продумав и взвесив все до малейших подробностей, и с точки зрения педагогики, и с точки зрения кассы, мы пришли к выводу, что школьники не только могут, но и обязаны широко знакомиться прежде всего с классикой. И здесь началась новая эра «целевых» спектаклей для школьников.

Один из наших театров показал очередную премьеру классики. Спектакль стоил таких огромных денег, что даже сейчас, спустя много времени, я не решаюсь обнародовать эту цифру. Театру нужно было во что бы то ни стало оправдать хотя бы часть расходов. Взрослые на этот спектакль ходить не хотели. И тогда вспомнили о детях. Школьники любого возраста посещают театры для взрослых охотнее, чем ТЮЗы: им это лестно. И потом в детских театрах многого делать нельзя! Совсем иначе обстоит дело в театре для взрослых: здесь юные зрители, организованно посещающие вечерние спектакли, могут спокойно курить в специально отведенных для их родителей комнатах, носиться по театру, переворачивая буфетные стойки. Даже в кинотеатрах ставится вопрос о том, чтобы в зрительный зал не вносили мороженое. У нас в театре было свое мнение: во всяком случае, многие ребята с удовольствием ели в течение всего спектакля мороженое, а другие, наевшись досыта, остатки пытались пристроить за шиворот впереди сидящим товарищам. Словом, дети зря время не теряли.

«Целевые» спектакли для школьников открывали также огромные возможности в личных делах (завывал Мельпомены), как тогда называли уполномоченных по реализации билетов. Конечно, школьник не мог купить билет в театр за 1 руб. 50 коп. Поэтому перед началом спектакля у входа скапливалась большая группа мальчишек, которых шустрый дядя «поштучно» пропускал в театр, в уме отсчитывая, сколько же надо впустить ребят на десять билетов, если каждый билет должен был оплатить двое или трое из них?.. Сложная «арифметика» и... опасная,

ведь театр находился не в космосе, а всего в пяти минутах ходьбы от отделения милиции...

Итак, как видите, там, где мы не могли привлечь взрослых зрителей, нам на помощь приходили дети. Значительно сложнее было положение в те дни, когда театр показывал спектакли, которые не хотели смотреть ни взрослые, ни дети. Однако и здесь мы со временем нашли выход. Но мне кажется, наша беседа слишком затянулась. Об этом я, пожалуй, расскажу в следующий раз.

ЮБИЛЕЙ

(Несколько добрых советов опытного юбиляра начинающим коллегам)

Собираясь поделиться с читателями своими наблюдениями по поводу устройства театральных юбилеев, я вдруг обнаружил, что все это уже много раз описывалось и в художественной литературе, и в мемуарах. Так что прибавить к сказанному нечто новое практически невозможно. А без этого какой смысл братья за перо?

Вспоминается, как когда-то, во времена проклятого прошлого, юбиляры с большим трудом добивались у кровопийцы-антрепренера половины от сбора. Как ездили они затем к именитым господам и богатым купцам, униженно предлагая им купить билеты. Как брали напрокат за небольшую плату в ближайшем цветочном магазине корзины и букеты, что призваны были засвидетельствовать перед почтенной публикой искреннюю, неподкупную любовь многочисленных поклонников...

Сегодняшний юбиляр, к счастью, избавлен от забот о сборах: никто ему не то что половину, гроша ломаного не даст. А цветы и папки с адресами и так поднесут. Может быть, даже какую-нибудь шкатулку подарят. Да, не то что в старину, когда какой-нибудь невежественный купец-самодур мог безнаказанно оскорбить молодую актрису своими безвкусными подношениями в виде всевозможных бриллиантов, изумрудов и всяких прочих никому не нужных жемчугов. Слава аллаху, с этим печальным прошлым у нас навсегда покончено! Правда, некоторые другие заботы у тех, кто любит часто устраивать собственные юбилеи, все же остались. Ведь очень важно, чтобы тебя отметили с максимальной помпой. И ни в коем случае не хуже, чем всех остальных, кто уже успел, как говорится, свое урвать...

Добиться самому, без посторонней помощи, полного, заслуженного признания очень трудно. Тут нужен верный, преданный человек, лучше всего кто-нибудь из близких родственников. Ей (ему) удобнее войти в комиссию: не всякий юбиляр захочет откровенно лично вмешиваться в такое щепетильное дело.

Работу комиссии ни в коем случае нельзя пускать на самотек. Хорошо продумайте состав, чтобы туда вошли все те, кто обычно принимает участие в организации юбилеев и панихид,—это, как правило, одни и те же люди.

Начинать надо примерно за год. Сперва подготовьте набор мини-календарей, коллекцию открыток и хотя бы одну почтовую марку. Хорошо бы договориться с местной сувенирной фабрикой и выпустить дамские сумки, косынки и надувные шарiki с портретом юбиляра. Ближе к событию расклейте по городу несколько красочных плакатов. Небольшие, но броские афиши можно разместить и в трамвае, автобусе, троллейбусе, в метро: движущаяся реклама привлекает к себе особое внимание. Не забудьте накануне еще раз напомнить всем о предстоящем торжестве с помощью газет, в том числе и световых, радио и телевидения. Хорошо бы воспользоваться услугами авиации и с утра пораньше засыпать город листовками: чем больше звона, тем выше авторитет...

Особое украшение вечера — буклет. Важно, чтобы, помимо фотографий, в нем были бы помещены высказывания видных деятелей культуры о юбиляре, о его исключительном вкладе в историю отечественного и мирового искусства.

Подумайте о том, как оформить площадь перед зданием театра. Его фасад, парадный вход — особая забота художника и постановочной части. Побольше ярких красок, живых цветов. Пусть у всех, кто придет сюда сегодня, с первых же минут появится праздничное настроение. Не менее важно убранство сцены. Если юбиляр мужчина, его возраст скрывать не надо. Золотые цифры хорошо читаются на любом фоне. Если же речь идет о женщине, сперва выясните, намерена ли она разглашать свою тайну. Как правило, ответ бывает однозначным. В таком случае задача художника-постановщика сводится к минимуму: выяснить цвет платья юбиляра и с учетом данного обстоятельства решить одежду сцены...

Все это важно, однако не думайте, что отныне вы свой долг выполнили и теперь можете спокойно почивать на лаврах. На языке военных такая работа называется артподготовкой. Самое главное — все-таки сам юбилей!

Набить зал до отказа — полдела. Куда важнее организовать бесчисленные делегации, как можно более представительные. Если нельзя добиться участия каждого театра, используйте испытанную форму коллективного приветствия от имени театральной общественности. Адреса читать теперь не принято, поэтому подумайте хорошенько, кто бы мог сказать слово о юбиляре, не стесняясь в выражениях. Чем больше в такой речи будет эпитетов и сравнений, тем приятнее для виновника торжества, человека скромного, стеснительного, всеми горячо любимого.

Правда, во всем нужно чувство меры. Бросаться такими словами, как

«гений», «гениальный», пожалуй, не стоит. Лучше заменить их на «великий», «выдающийся», «неповторимый», «единственный»... Русский язык достаточно богат синонимами. Сравнить надо тоже с умом. Нельзя травести называть Ермоловой, а тенора — Шаляпиным. Каждому — свое!

Юбилей не может быть признан полноценным, если это всего лишь цеховой праздник. А где же зрители — представители фабрик и заводов, труженики полей, доблестные воины, прославленные спортсмены и космонавты? Где пионеры, наконец?! Их участие придаст событию поистине всенародный масштаб. Юбиляр и до того не испытывал особых сомнений насчет своих возможностей в искусстве. Однако такое публичное признание сообщит его тщеславию дополнительное ускорение, и он с полным правом, совершенно искренне скажет в ответном слове, что ради такого вечера стоило жить и бороться. При этом юбиляр из скромности может добавить, что рассматривает все сказанное сегодня не как награду за прошлое, но исключительно как аванс на будущее, разумеется, если он окончательно не потеряет голову...

Товарищи по труппе, и другие знающие цену новорожденному, в такой день исполняют на сцене роль толпы, а народ, как заметил еще Пушкин, безмолвствует. Поэтому, чтобы не допустить кривотолков среди публики, в финале надо обязательно задействовать всю массовку. Кому не хватит слов, пусть хотя бы встанут, тем самым подтверждая свою любовь, преданность, восхищение. Даже если в этом немом вставании кто-то захочет проявить внутренний протест, он не будет замечен и потонет в общем праздничном настроении.

Воспоминания о вечере, телеграммы и адреса, многочисленные статьи еще долго будут согревать душу юбиляра, пьянить его воображение. В конце концов он и в самом деле вообразит, что все это случилось само по себе, исключительно благодаря его заслугам. И почему, собственно, он должен не доверять тем, кто так высоко оценил его талант?!

Ну, что же, не будем ему мешать в этом. Ведь именно ради подобных ощущений человек целый год хлопотал, добивался, готовился. Так зачем же его разочаровывать? Пусть себе тешится...

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ТЕАТР?

(Доверительный монолог опытного театрального деятеля, заслуживающий внимания)

Одни говорят: нужна идея!

Другие — помещение.

Третьи — свой драматург.

Четвертые — режиссер.

Пятые — актер.

На самом же деле все это может быть, но может и не быть.. В конце концов идею нетрудно позаимствовать, помещение арендовать, драматурга заменить инсценировщиком (желательно, чтобы это был кто-нибудь из близких родственников, но обязательно под псевдонимом: зачем лишние разговоры?). Ну, а актеров и режиссера лучше всего сманить у соседей. Было бы желание! А вот желание и есть главный двигатель прогресса. Остальное приложится.

К примеру, захотел я организовать театр. Для этого в первую очередь выясняю заветные, но пока еще не сыгранные роли у самых популярнейших артистов. Через верных людей даю им знать, что готов содействовать в осуществлении их замыслов. Разумеется, совершенно бескорыстно. Располагаю помещением для репетиций и преданной мне труппой, изголодавшейся по настоящей работе. Получив такую информацию, вряд ли кто удержится от соблазна, что, собственно, для начала вполне достаточно.

В процессе репетиций очень важно поддерживать железную дисциплину. Ни в коем случае не следует вспоминать фамилию главного режиссера того театра, где служит знаменитость. Даже в дурном смысле — все равно! Обязательно нужно делать всем замечания, кроме, конечно, гастролера: его (ее) непременно ставить другим в пример, не стесняясь в выражениях.

Когда репетиции уже можно будет перенести на сцену, важно начать внушать хозяевам здания, что их ожидает редкая удача: сама (сам) до того влюбилась в коллектив, что поговаривает, не перейти ли ей (ему) сюда насовсем?! А куда, собственно, переходить-то? Из академического театра в драмкружок? Ну как тут не вспомнить слова Ивана Андреевича Крылова: «Уж сколько раз твердили миру, что леть гнусна, вредна; но только все не впрок. И в сердце льстец всегда отыщет уголок». И представьте: действует! Добываются средства, шьются костюмы, готовятся декорации: было бы желание!

Теперь пора подумать и о подготовке общественного мнения. Сперва несколько коротких интервью-информаций, в которых кумир миллионов как бы между прочим обронит пять-шесть ничего не значащих фраз о нашем общем начинании. Имеющий глаза да увидит! Имеющий уши да услышит! Это я в смысле того, что не единими газетами жив современный человек! Не следует игнорировать возможности радио и особенно телевидения. Чем больше звона, тем лучше.

У любой знаменитости есть свой закройщик, свой дантист и свой критик. С ними обязательно надо свести знакомство, памятуя грибоедовские слова о «собаке дворника, чтоб ласковой была»... Поклонники на премьере — ах, как это важно! Они задают тон, ведут за собой остальных, создают атмосферу доброжелательства и взаимопонимания.

Еще одна забота — название театра. Оно должно быть коротким, современным, немного загадочным: «Галактика», «Космос», «Пирамида», «Аэростат»... Хорошо бы к слову «театр» прибавить «студия». В этой

скромной приписке сразу же появляется оттенок экспериментальности, до которой ужас как охочи некоторые театроведы. Они тут же слетаются как мухи на мед и давай «дешифровать» наши замыслы, вытягивать второй план из-под первого, намекая друг другу и зрителям, что есть еще и третий, но он, к сожалению, не всем доступен. Надо расти!..

После нескольких премьер общественность свыкается с мыслью, что мы существуем, и постепенно смиряется с этим. Теперь не упустить бы момент и получить официальное признание, а вместе с ним и штатное расписание.

Открыть новый театр очень трудно. Но закрыть его практически вообще невозможно. Куда девать людей? Да и потом могут быть разные мнения, не идти же на поводу у кучки злопыхателей!..

Я знаю театр, который так существует уже двадцать лет. Десять комиссий об него зубы сломали, а он себе стоит как ни в чем не бывало и в ус не дует. Да и чего ему в него дуть? Зарплата идет, дефицит растет, актеры сменяются, как пассажиры в общественном транспорте. После любых гастролов письма с жалобами от несознательных зрителей летят во все концы: их регистрируют, подшивают, пересылают, на них отвечают — опять же, как говорится, все при деле!..

Сейчас я сам подумываю об организации нового театра. Есть на примете знаменитая актриса. Вот только не могу пока ни у кого узнать, о каких несыгранных ролях мечтает Алла Борисовна Пугачева. Если кто-то что-то слышал на этот счет от кого-то, буду много обязан, готов предложить место заведующего литературной частью и по совместительству — уполномоченного по реализации билетов.

С предложениями обращайтесь лично или по почте. Адрес и телефон известны.

ХОЧУ СТАТЬ ЗНАМЕНИТЫМ!

*(Доверительный монолог
бывалого артиста кино)*

Когда в седьмом классе нам дали сочинение на тему: «Кем ты хочешь стать?», — я написал: «Хочу поступить в институт лауреатов». Учительница еще смеялась: «Таких институтов не бывает!» Но позже подтвердилась старая истина: смеется тот, кто смеется последним.

Нет, не буду преувеличивать: лауреатом я пока не стал. И вообще с высшей школой у меня сложились какие-то странные отношения. Я пытал счастье во все театральные вузы одновременно. Но они почему-то не проявили ко мне никакого интереса, хотя я выбрал актерскую профессию исключительно по призванию: согласитесь, где еще столько лауреатов? Да и потом с моим аттестатом не то что в институт — и в ку-

лиарный техникум я бы конкурс не выдержал! Не зря же Геннадий Хазанов, почувствовав, что повар из него все равно не получится, перешел на эстраду. И, заметьте, сразу же стал лауреатом. Потому что артисту знания не нужны, был бы талант, а поклонники найдутся.

Как верно заметил Станиславский, у каждого своя жизнь в искусстве. Когда приемная комиссия ВГИКа в очередной раз проявила близорукость и я не нашел своей фамилии в списке счастливичиков, ко мне подошла милостивая женщина неопределенного возраста и сказала: «Не отчаивайтесь, мой друг! И Ермолову не в один день признали. И у Качалова были свои трудности. И у Гундаревой, говорят, тоже не все сразу пошло гладко. Давайте познакомимся. Черноморская киностудия, ищу исполнителя на главную роль для фильма «Мой друг, дельфин». Возраст — 18 лет, обязательно спортсмен-ныряльщик. Желательно, чтобы был похож на Владимира Коренева из «Человека-амфибии» или в крайнем случае на Алена Делона».

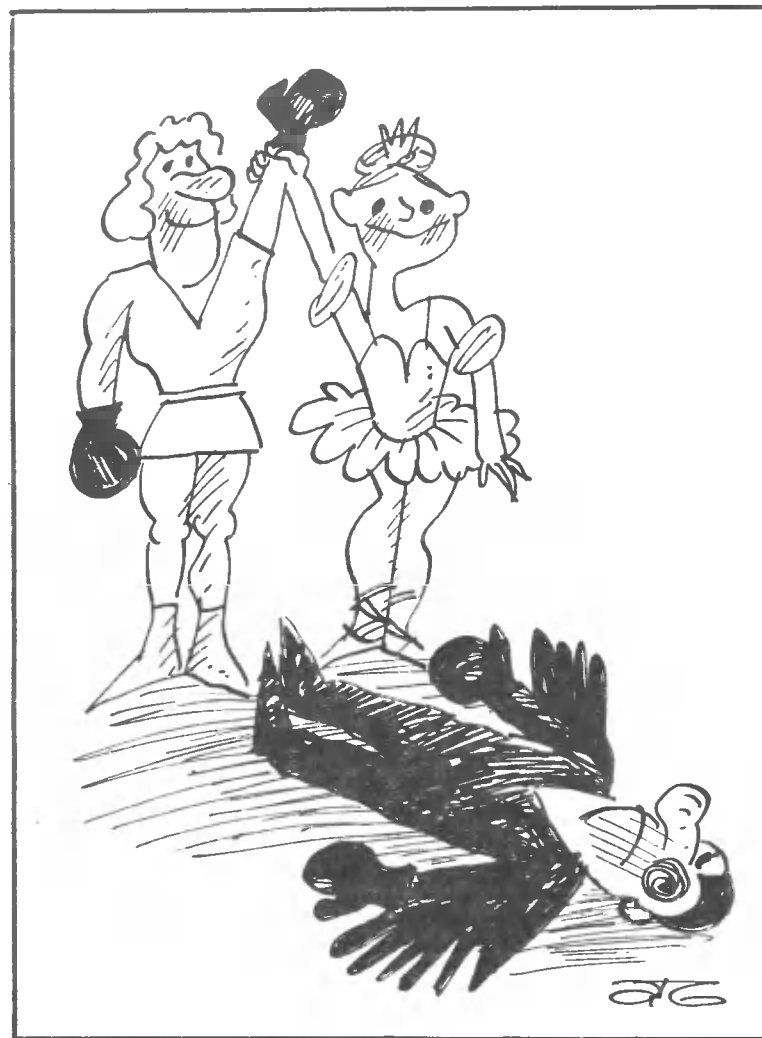
Так началась моя кинематографическая карьера. Правда, на главную роль меня тогда не утвердили. И вообще больших ролей я пока не играл. Отчего мои открытки не продаются в киосках и портрет до сих пор не напечатан на обложке журнала «Советский экран». Но это не мешает мне с помощью общества «Знание», Бюро пропаганды советского киноискусства и местных филармоний сеять «разумное, доброе, вечное» по городам и весям нашей необъятной Родины, следуя призыву Некрасова, который предвидел, что за это «...спасибо вам скажет сердечное русский народ...».

Механика здесь простая. Первым делом надо изготовить рекламу: излишняя скромность в таких случаях никому не нужна. Большими буквами набирается: «Творческая встреча с популярным артистом кино». Это, так сказать, шанка, а чуть ниже, в красную строку, моя фамилия. И тут же сообщается: «Снимавшимся в 82 фильмах... Даются перечень наиболее известных лент с моим участием и кадры, где крупным планом Алексей Баталов, Вячеслав Тихонов, Михаил Ульянов, а сбоку едва заметно, но обязательно угадываюсь и я.

Кроме наборной афиши с клише, хорошо изготовить настоящий красочный литографский плакат. Мою фотографию в жизни, сильно отретушированную, опытный художник помещает на всем пространстве листа, словно втискивает ее в увеличенный кадр. А вместо титра печатают мое имя и фамилия.

Когда такие афиши и плакат висят рядом, успех заранее обеспечен. Как говорил старик Брехт, «думай о форме, содержание подтянется». Это он, конечно, преувеличивает. О содержании я тоже думаю.

После рекламы самое главное — киноролики. Подобрать фрагменты для Сергея Бондарчука или Андрея Миронова проще простого: бери любую сцену! Совсем другое дело у меня. Здесь нужен глаз да глаз! Иначе и не заметишь, как на третьем плане в самый кульминационный момент ответственной сцены из кустов высунется моя голова и я произ-

несу свою единственную классическую реплику: «Гриня, тебя маманя кликали!» Или в другом фильме в разгар собрания с места выкрикну: «Нет, с этим мы не согласны!» Надо же так отмонтировать, чтобы зрителям стало ясно, с чем именно мы не согласны...

При всем том, что броская реклама и удачно подобранные кинофрагменты — первостепенные двигатели прогресса и культуры, не следует забывать, что нынешний зритель не тот, что был до 1913 года. На одних роликах с ним далеко не уедешь. Наш зритель вырос и хочет за свою трудовую трешку получить удовольствие на полную десятку, то есть увидеть популярного артиста живым и по возможности здоровым, в смысле крепко стоящим на ногах, не опираясь на спасительный роуль и не хватаясь за стойку микрофона.

После полнометражной часовой программы, когда у наименее сознательной части зала начинают закрадываться первые нехорошие мысли, я энергично выхожу к микрофону, озаряю зал улыбкой и тем самым кладу конец всем сомнениям.

— Да, это я, как видите, лично. Жив-здоров, чего и вам от всей души желаю. Давайте условимся о порядке нашей сегодняшней работы. Сперва я расскажу о себе, о своей профессии, о моих товарищах, а если по ходу у вас возникнут какие-то вопросы, не стесняйтесь, задавайте. я охотно отвечу.

После такой легкой затравки начинаю с того, что учился я в школе средне — это всегда вызывает сочувствие и доверие. Затем честно говорю, что все мои попытки получить высшее образование ни к чему не привели, отчего контакт с аудиторией еще больше налаживается: чувствую, многие меня понимают... И теперь смело перехожу к моей жизни в искусстве.

Режиссеров называю уважительно, всегда по имени и отчеству. Зато артисты — самые знаменитые — все мои «корешки»: Кешка, Лешка, Алка, Колька, Ленька, Нонка и т. д. и т. п.

Хорошо идут всякие истории про киносъемки, особенно с участием экзотических животных: кто кого за что укусил...

Любят наши зрители узнавать «секреты» кинопроизводства. Правда, я и сам не так чтобы очень был осведомлен на этот счет. Но опыт и творческое воображение приходят на помощь в таких случаях. Вообще чем больше баек, тем лучше прием. И еще не забудьте о планах — это очень важно. Назовите какой-нибудь многосерийный фильм, в котором вы теперь снимаетесь. Скажите, что название сейчас как раз уточняется...

Наконец, записки. Как правило, я читаю их вслух. Вопросы разные, но чаще всего: «Кто с кем?», «Кто от кого?», «Кто к кому?». По возможности отвечаю, но тут же предупреждаю, что нахожусь вне Москвы уже больше месяца и последними данными не располагаю...

Скажу прямо — эти встречи очень меня обогащают. Прежде всего,

конечно, как художника и гражданина. Выходя на сцену по 6—8 раз в сутки, я веду откровенный, доверительный разговор по душам и чувствую себя нужным людям, действительно популярным артистом кино. По собственному опыту знаю, как все еще иногда хочется сыграть Гамлета и сразу же стать знаменитым. Но что поделаешь, если мечта моя пока остается неосуществленной...

Я постоянно помню, что в наш век поголовной грамотности в любом зале, даже далеко от Москвы, меня может ожидать большая неприятность. И потому после каждого перченого анекдота обязательно подчеркиваю для любителей кляуз, что профессия актера только кажется легкой и заманчивой, что на самом деле она связана с колоссальными затратами сил, физических и моральных, а порою даже с риском для жизни...

Понимаю, что опыт мой не универсален. Но если кто-то захочет стать знаменитым, попробуйте им воспользоваться. Чем черт не шутит! А вдруг получится?

Желаю успеха!

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

(Доверительный монолог бывалого театрала, адресованный начинающему критику)

Чем старше становлюсь, тем больше страдаю: некому передать опыт. Какой кладезь знаний унесу я с собой!..

Возьмем, к примеру, гастролы. Приезжие театры получают, как правило, не рецензии, а обзоры. Первые годы я ужасно мучился: ну, как на пяти-шести страницах рассказать о семи-восьми спектаклях? Да и ходить в жару в театр — занятие, скажу прямо, незавидное. Но постепенно я понял: если подойти к делу с умом, все это не так уж и страшно. Летом обычно гастрологируют сразу два-три коллектива. Я стараюсь не оставить без внимания ни один из них: к чему обижать? Правда, случается, в один вечер приходится смотреть несколько спектаклей. Не полностью, конечно, по акту в каждом театре. Но при моем опыте этого вполне достаточно и для обзорной статьи, и для участия в обсуждении. Еще остаются кое-какие впечатления и наблюдения для письма в местную газету...

Собираясь писать обзор, никогда не мелочитесь: покупайте буклет! (Восемь программ обойдутся в конце концов не намного дешевле.) Зато буклет придаст вам сразу известную основательность. А главное — половина статьи у вас уже в кармане. Из буклета вы узнаете, что театр, которому вы собираетесь посвятить свое выступление, — один из старейших. Что еще в то давнее, без преувеличения можно сказать, проклятое

время, когда царские сатрапы не допускали на императорскую сцену бессмертные комедии Грибоедова и Гоголя, именно здесь усилиями передовых, талантливых актеров впервые удалось пробить брешь и прямо поставить вопрос: «Над кем смеетесь?!»

Большое влияние на жизнь губернского театра оказали гастроли Стрепетовой, Рыбакова, Андреева-Бурлака и братьев Адельгейм... (Каждый раз именно из буклета вы узнаете точно, кто из них какое влияние оказал.)

Теперь самое время отметить, что по-настоящему театр встал на ноги после свержения самодержавия. Что тут началось?! Ни в сказке сказать, ни пером описать! Сразу берите быка за рога и называйте спектакли: «Виринея», «Шторм», «Разлом» и т. д. и т. п. (Опять-таки не забудьте все проверить по буклету!)

Теперь самое время перечислить имена актеров и режиссеров, внесших в свое время посильный вклад в общее дело, после чего перейти непосредственно к нашим дням. Главное — не упустить из виду заслуги нынешнего художественного руководителя. Это он сплотил коллектив единомышленников, создал оригинальный репертуар, привлек к работе местных авторов. Не забывает наш герой и о классике, проявляя при этом удивительный такт, бережливость и доброжелательность к успешным писателям. Вот пример, достойный всяческого подражания!

Вы не успеете заметить, как пять из шести страниц обзора окажутся заполненными этими важными и справедливыми наблюдениями. Остается дополнить их несколькими штрихами, в чем вам снова безошибочно поможет буклет. Укажите имена актеров, которые особенно полно проявили свой талант на гастролях. Сперва, конечно, назовите мастеров старшего поколения. Их легко отличить от всех остальных хотя бы по званиям. (Уточните только, действительно ли они принимали участие в гастролях, а то я однажды похвально отозвался об актрисе, которая за несколько дней до выступлений в столице испустила дух. Царство ей небесное! Прекрасная была актриса, но каково мое положение?!) Затем возжайте должное среднему поколению. Ну, и в заключение списка, конечно, не забудьте о молодежи. Молодежь — наше будущее, наша надежда.

Упаси вас Бог превратить свое обозрение в панегирическую оду! Обязательно влейте сюда пару капель яда! Не беспокойтесь: ядом нашу критическую кашу не испортишь. Несколько капель не приведут к летальному исходу, зато придадут вашей позиции настоящую боеспособность и принципиальность. Скажем, можно указать на небрежность грима участников массовки, заодно напомнив: «Нет маленьких ролей»... Или слегка намекнуть, что спектакли очередного режиссера пока не достигли, к сожалению, того уровня, который обнаруживается в работах главного.

Важно дать оригинальное оптимистическое заглавие всему обозрению: «Традиции и новаторство», «Экзамен на зрелость», «И мастерство.

и вдохновенье»... Впрочем, такие заголовки можно приспособить к любому обзору. Необязательно искать какой-то формальный повод: гастроли, начало сезона, итоги, производственная тема, комедия, трагедия или все они вместе. В обзоре можно обратиться практически к бесчисленному множеству спектаклей. Да так, что никто не поймет, о чем они и как ты сам к ним относишься. Последнее обстоятельство — особенно важное.

Если через какое-то время выяснится, что спектакль, упомянутый в обозрении, никуда не годится, ты не испытываешь никаких терзаний: разве твое отношение к нему не было ясно с самого начала? Но если случится, что спектакль вдруг получит всеобщее признание, опять же автор чувствует себя на коне: разве не он первым обратил на него внимание?

Никогда не следует превращать обзор в искусственное соединение рецензий на разные спектакли. Куда правильнее ничем не связывать свою творческую фантазию. Начинать такую статью лучше всего с описания дороги. Кто были твои попутчики, о чем они говорили, о чем спорили... Затем несколько слов о погоде и о природе. Это очень важно для настроения. Теперь самое время для первого лирического отступления. Скажем, почему бы не рассказать в такие минуты, как совсем недавно, пересекая экватор, ты уже видел нечто подобное в свете северного сияния? Сразу всем ясно станет, какого полета ты птица, что за масштаб у тебя.

Не менее важно вспомнить что-нибудь из древних греков. Ну, например, из Сократа, обязательно связав его с Виктором Славкиным. Для Славкина это, правда, безразлично, для Сократа — тем более, но твой кругозор как-то сразу проявится, к чему, собственно, и следует стремиться.

Чтобы уложиться в прокрустово ложе, отведенное тебе редактором, старайся быть афористичным. Например, говоря об исполнителе Гамлета, скажи, что актер играет его на таком же уровне, на каком автор написал эту роль. И коротко, и всем приятно.

Наконец, рецензия. Забытый Богом и людьми жанр. Обыкновенный газетный отклик. В былые времена маленькая рецензия появлялась утром после премьеры, как первое впечатление, в пятьдесят — сто строк. Ее ждали и театры, и зрители. Правда, из-за такой поспешности случались иногда промашки. Скажем, в одной рецензии вознесут до небес, а в другой, напротив, разнесут так, что камня на камне не останется. И обе статьи выйдут в один день. Пойди разберись, кто прав, кто виноват...

Теперь никто не торопится. Это верно: на ошибках учимся. Но кто сказал, что нельзя учиться на чужих ошибках? Вот каждый и ждет, пока другой ошибется...

В былые времена считалось как-то неловко рецензировать спектакль, в котором заняты ближайшие родственники. В крайнем случае это дове-

ряли сделать хорошим знакомым. Современный критик, избавившись, наконец, от всяких предрассудков, смело пишет оды о собственных мужьях, женах, детях, внуках и правнуках, обнаруживая при этом подлинную заинтересованность, настоящий темперамент и, главное, выдумку. Такие статьи выгодно отличаются от аморфных, безликих выступлений, где автор выказывает полное безразличие к тому, о чем пишет. И это совершенно естественно.

И последнее. Современный критик — человек широко образованный. Он не имеет права забывать об этом ни на минуту. Чем чаще в его статьях можно встретить «аутентичность личности», «тропы», «сублимацию», «семиотику», «гедонизм», «трансцендентный императив», «патерналистский статус», «смеховую культуру» и другие подобные выражения, тем больше надежд на успех и признание. Особенно у своих коллег, получивших, как и ты, высшее образование без среднего...

Я бы мог еще долго делиться секретами мастерства, но мне пора садиться за новую статью, которую я условно назвал так: «Станиславский сказал бы: «Верю!». Правда, спектакль этот я еще не видел, но из уважения к газете дал согласие написать о нем рецензию.

III. ЮМОР В КОРОТКИХ ШТАНИШКАХ

ОТ ПЯТИ ДО СЕМИ

Все истории, пересказанные здесь,— театральные были, а не сочиненные автором небылицы. Так вели себя, так говорили и так спрашивали дети в возрасте от пяти до семи лет, оказавшись в театре.

ДЕТСКАЯ ЛОГИКА

На каждом билете в Центральный театр кукол напечатан текст обращения к родителям, в котором С. В. Образцов просит приводить ребят только на те спектакли, которые им адресованы. Детям до 5 лет вредно бывать в театре. «Не огорчайте своих малышей: мы все равно их не пустим» — так заканчивается это небольшое обращение. Однако, несмотря на все предупреждения, редкий день обходится без этих самых огорчений.

- Мой ребенок не то еще видел по телевизору.
- А мой уже сам читает Толстого.
- Да мы лучше знаем, что нашим детям вредно...
- Я на этот текст на билете никакого внимания не обратила.
- Мы купили билеты, вы обязаны нас пустить.
- Дайте жалобную книгу!

Всего 5—10 родителей ведут примерно такой диалог с педагогами театра в присутствии своих детей, не подозревая, что в это время дети их получают наглядный урок непослушания. А иногда и лжи. «Моей де-

вочке 7 лет», — не моргнув глазом говорит мама в присутствии 5-летнего ребенка.

Однажды контролер «ослабил бдительность» и пропустил маму с маленьким мальчиком. Как на грех, в это время в фойе оказался Сергей Владимирович.

- Сколько лет вашему сыну?
- Четыре.
- Вам придется уйти.

Мама уже успела раздеть ребенка, но спорить с самим Образцовым не сочла возможным.

— Хорошо, мы уйдем, Сергей Владимирович, — едва не плача, но стараясь сохранить чувство собственного достоинства, ответила женщина и стала одевать мальчика.

Малыш слушал диалог взрослых, будто речь шла не о нем. И вдруг, не сходя с места, глядя в глаза Образцову, спокойно сказал: «А вот и неверно. Надо нас пускать!»

От неожиданности Образцов растерялся и поднял руки вверх.

ПО ВИНЕ ТРАМВАЯ...

И надо же было, чтобы где-то вагон чуть-чуть сошел с рельсов, из-за чего все движение парализовалось как раз в тот момент, когда девяносто первоклассников впервые отправились в ТЮЗ на спектакль «Красная Шапочка». Догадливая мама из вновь созданного родительского комитета тут же позвонила и предупредила, что уже принято решение преодолеть оставшуюся часть пути пешком, но все же минут на 20—30 ребята опоздают.

Как быть? Начинать действие, не дожидаясь опаздывающих, — значит доставить им ни с чем не сравнимое огорчение. Да и появление их в середине акта вряд ли будет способствовать успеху спектакля.

С другой стороны, остальные дети уже сидят в зале. 20—30 минут удержать их без дела невозможно. И тогда директор театра поручает опытному заведующему педагогической частью выйти на сцену и объяснить все как есть.

Дали третий звонок, зал стал притихать, и в это время на сцену из-за занавеса, слегка смущаясь, вышел педагог. Он был в обыкновенном костюме, в нормальных башмаках и даже без галстука. Сидевший рядом со мной первоклассник, вмиг превратившись в слух и зрение, толкнул своего сверстника-соседа и совершенно искренне, не желая состричь, сказал:

- Тише, началось! Серый волк вышел.

ЗАБОТЛИВЫЙ РЕБЕНОК

В Малом зале Центрального театра кукол детей рассаживают отдельно от родителей. Папа накануне сказал пятилетней Тошке:

— Ты будешь сидеть отдельно от мамы, но ведь ты уже большая и никого не боишься.

— А рыбки там будут плавать? А птички?!

И вот они уже в театре. Сперва отправились в музей. Сколько здесь кукол! Больше, чем в детском саду. Вот только досада: трогать их нельзя!

Потом бросили монетку в бассейн, где плавали рыбки. Послушали, как заливались кенари. И, наконец, попали в зал. Мама проводила Тошку на ее место во втором ряду, а сама вернулась в десятый.

Раздался удар гонга, в зале погасили свет, осветили сцену, началась музыка, пошел занавес. И вдруг Тошка, обалдев от переполнивших ее чувств, вскочила с места, повернулась к десятому ряду, забыв обо всех уворах и наставлениях, и на весь зал закричала:

— Мама, посмотри, как красиво! Мама, ты видишь, как красиво! Тебе, наверное, ничего не видно из десятого ряда. Ах, как красиво!

ЖЕРТВА ТЕЛЕВИДЕНИЯ

В спектакле «Тигрик Петрик» сперва нет ничего страшного. Просто Тигрик еще маленький и всего боится, за что его и считают трусишкой. Но когда ночью у Тигрицы поднялась температура, он один в непогоду отправился через лес, чтобы позвать доктора. Лес, скажем прямо, попался ему труднопроходимый. Особенно страшно было идти по тоненькому бревнышку: чуть что, и сразу свалишься вниз.

Надо сказать, что тоненькое бревнышко стало узким местом не только для Тигрика Петрика. Однажды мальчик, разволновавшись в этот самый патетический момент, обхватил ручонками свою маму и на весь зал закричал:

— Мама, выключи!

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ГРИША

Центральный театр кукол отмечал тридцатилетие спектакля «По щучьему велению». Было много именитых гостей. По окончании представления на сцену вышел Сергей Владимирович Образцов и, по обыкновению, стал беседовать с публикой. Вдруг пятилетний Гриша спрашивает: «А куда делась собака?»

Пауза.

Образцов подумал, подумал и сказал: «Тридцать лет идет спектакль, и никто нас об этом не спрашивал. Ни зрители, ни критики. А вот наблюдательный Гриша заметил. Молодец, Гриша!»

ЖИВЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Все шло хорошо, пока не появились обезьяны. Мой семилетний сосед понимал, что тигр Шер-Хан, и Балу, и Маугли — это все куклы. Ведь мама предупреждала его об этом еще дома. И поэтому он так настроил себя с самого начала. Но, когда выскочили обезьяны, мальчик стал спокойно ерзать в кресле и, наконец, не выдержав, спросил: «Ну, а обезьяны — живые?»

— Нет, — спокойно ответила мама. — Они тоже куклы.

— Этого не может быть! Они живые! Живые! Живые!

Мама молчала.

— Неужели же обезьяны — тоже куклы? Ну, почему, почему ты молчишь, мама?!

КОРОЛЕВА

В дни пребывания в Москве бельгийская королева Елизавета посетила Центральный театр кукол. В антракте в сопровождении свиты она осматривала музей театра.

— Кто эта тетя? — спросила шестилетняя девочка.

— Бельгийская королева, — ответила бабушка.

— Как интересно! А она из сказки Андерсена или из братьев Гримм?

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА

Когда на сцене Большого театра во время представления балета «Конек-горбунок» появился кордебалет, пятилетняя воспитанница детского сада тихо спросила: «А где их воспитательница?»

СОДЕРЖАНИЕ

I. Страницы из ненаписанных мемуаров	2
II. Монологи и фельетоны	14
III. Юмор в коротких штанишках	44

ПОЮРОВСКИЙ Борис Михайлович

ОКОЛОТЕАТРАЛЬНЫЕ БЫЛИ

Редактор М. Г. Казовский

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 12.03.90. Подписано к печати 29.04.90.
А 00286. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отг. 2,45. Уч.-изд. л. 3,10. Тираж 75000.
Заказ № 2041. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
гипография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды». 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила. 1990.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Обнаруживая публикации людей, обладающих собственным почерком, знаешь, что здесь тебя ждет не дежурное газетное блюдо, но проявление самобытного мышления, приятные особенности стиля, собственной интонации и обязательное чувство юмора, без которого умный человек, по-моему, не может долго рассуждать о высоких материях...

Если бы интонационный и жанровый строй наших театральных размышлений получил бы свое развитие вглубь и вширь, наверняка бы Борис Поюровский писал раз в неделю смешные рецензии-фельетоны. Здесь он непревзойденный мастер. Несколько лет назад он опубликовал гомерически смешную рецензию на один московский спектакль по трагедии Шиллера. Это был маленький театроведческий шедевр в редком жанре комедийной рецензии-миниатюры.

Если бы публикаций о новых спектаклях было много и носили они разнообразный характер, я даже сам не прочь был бы стать объектом иронии, в том числе со стороны Б. Поюровского. (Присягаю в искренности этого заявления. Клянусь.)

Марк Захаров

(Из статьи «Что ждут режиссеры и актеры от театральной критики?»,
«Театр» № 4, 1984, с. 106.)